

ОЛЕГ

НИКИТИН

ЭТОТ СВЕТ

Олег НИКИТИН

ЭТОТ СВЕТ

«Автор»

2019

Никитин О. В.

Этот свет / О. В. Никитин — «Автор», 2019

Клиническая смерть не всегда приводит человека к смерти реальной. Его можно вернуть к жизни. Но где находился он в те долгие мгновения, часы или дни, пока оставался похожим на мертвеца? Нет за гранью смерти иного, жестоко-абсурдного мира?

© Никитин О. В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
I. Семья	10
II. Обитель	40
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Олег Никитин

Этот свет

Пролог

Навязчиво и привычно, как гул скоростных поездов в двух милях к северу от дома, в голове Алена вертелись детали предстоящего сегодня эксперимента, который убьет его.

Едва слышное дыхание женщины, вот уже третий год делившей с ним кров, говорило ему о том, что он еще жив. И неожиданно он подумал, что вряд ли желает большего, чем услышать хоть что-нибудь после той минуты, когда начнется опыт длительностью в шестнадцать часов, возможно, последний среди сотен подобных, поставленных им. Он не верил в рассказы побывавших на грани жизни и смерти, он публично высмеивал пресловутые светящиеся тоннели, ведущие к миру счастья и всеобщей любви. К тому же он сомневался в справедливости самой идеи, двигавшей им последние девять лет – с тех пор, как вследствие бессмысленной прихоти судьбы умерла его первая жена, Мари.

Может быть, именно эта потеря и позволила Бергу разработать принципы и, главное, механизм инициирования управляемой клинической смерти. Неделями не выходя из лаборатории, отрывая время лишь на самое необходимое, он доказал, что может довести живой организм, способный на высшую нервную деятельность, до такого состояния, которое любым врачом будет признано как смерть. А затем, спустя промежуток времени, не превышающий сорока часов, особой комбинацией воздействий на все органы чувств, химическим ударом и высоковольтным разрядом завести жизненные процессы и возродить мертвое тело. Несколько лет ушло на отладку деталей и шлифовку отдельных скользких моментов в процессах умерщвления и оживления, для которых пока не было исчерпывающих объяснений. Затем, когда собаки “возвращались” с полной гарантией, ему разрешили перейти к опытам над обезьянами.

Уже через два года, когда ожила первая из множества макак, он отметил это событие поездкой в театр, на пьесу Пинтера. Он даже помнил ее название, как, впрочем, помнил все постановки, что он видел в этом убогом по форме, но ни на что не похожем по содержанию балагане, где все актеры, пять или шесть человек, явно в прошлом были пациентами психиатрической лечебницы. Каждые полгода ему присылали по почте программу спектаклей, целиком состоящую из премьер – здесь никогда не показывали одну и ту же пьесу дважды. Это был “Пейзаж”. Берг сидел в темном зале на два десятка мест, среди таких же, как он, хоть раз всерьез задумывавшихся о собственной смерти, и мысленно разговаривал с Мари. Конечно, не совсем так, как герои постановки, но и не так, как это происходило в действительности. Она не слышала его, а он вбирал в себя прозрачный поток ее слов, нанизанных на серебряную нить темы, подсказанной происходящим на сцене. Полупрозрачный образ Мари, безразлично лежащей в черном покачивающемся гробу, настойчиво накладывался на ее полное жизненной силы юное тело.

Сегодня исполнялось ровно девять лет со дня ее смерти.

Ален повернулся на правый бок и попытался прогнать воспоминания, но взамен картины мертвой Мари перед ним возникла его лаборатория, где его первая жена работала несколько месяцев – до и после свадьбы, отмеченной без всякого шума. Сообщение о церемонии появилось в университетской газете только спустя два дня, а Берг увидел его через неделю, когда развернул газету с принесенным Мари завтраком. Бутербродная крошка прилипла к заглавной букве его фамилии.

– Линда пишет, что теперь о нас будут говорить, как о супругах Кюри, – сказала Мари, подперев голову кулаком и глядя, как Берг, не отрывая взгляда от монитора, жует огурец.

Он не прочитал ни одной газеты после того дня, когда, вернувшись с лекции, нашел в луже крови ее тело, лишенное горла. Ему было неизвестно, какие еще аналогии возникли у корреспондентки, если, конечно, именно ей поручили осветить это событие. Кроме того, он возненавидел собак, независимо от породы. И все же день, когда первая из них ожила и он понял, что близок к успеху, стал для него почти счастливым. А в ту злополучную среду одна из подопытных тварей, едва обретя подвижность после ускоренной “разморозки”, неожиданно набросилась на Мари, и та не успела защититься, выронив шприц с транквилизатором. Обезьяны, наверное, вели бы себя еще более агрессивно, но им уже не давали такой возможности.

Вспоминать все это было слишком тяжело, но заснуть не получалось, и Берг решил поехать в лабораторию. Осторожно выбравшись из постели, он накиннул на себя старый синий халат с торчащими из него нитками и вышел из спальни, бесшумно притворив дверь. Было уже достаточно светло для того, чтобы не пользоваться электричеством. Он вынул из холодильника пластиковую тарелку с остатками ужина, подбросил в нее кусок сыра и пару сарделек и сунул все это в микроволновую печь, затем включил кофеварку и прокрался в ванную комнату. Этот ритуал он исполнял весь последний месяц с тех пор, как Нора перестала работать в университетской библиотеке в связи с беременностью. Обычно он уходил до того, как она просыпалась, но сегодня в любом случае придется ее разбудить, чтобы попрощаться.

Из всех необходимых утренних процедур Берг особенно не любил бритье. Но с прямолинейностью автомата он выдавил из баллончика пену и покрыл ею свои худые, не желавшие полнеть с возрастом щеки, покрытые мелкими рыжими оспинками, слегка заостренный подбородок и верхнюю губу, скромно прижавшуюся к зубам, в отличие от нижней, нахально выпяченной вперед. Ему показалось, что в серых глазах затаился испуг, но никакие усилия не смогли придать им бодрое или просто спокойное выражение, и Бергу пришлось удовлетвориться чисто гигиеническими результатами работы над собственной физиономией.

Главное – не забыть, что сегодня он якобы улетает на конференцию, чтобы сделать доклад по криобиологии высших позвоночных. Так будут думать все, за исключением Марека, а ему Берг доверял, как самому себе. Пожалуй, без такого помощника он вряд ли решился бы на проведение своего эксперимента, а кроме того, никто иной не взял бы на себя ответственность за поддержание в порядке всей аппаратуры, которой за годы обросла установка Берга. Официально лаборатория закрывалась на время мнимого отсутствия ее руководителя, немногочисленные сотрудники, не занятые в учебном процессе, были отправлены в недельные отпуска и почти все успели разъехаться по курортам. Однако даже Марек, бывший с Бергом с самого начала образования лаборатории, никогда не согласился бы на эксперимент, если бы не был уверен в его успешном завершении. Казалось, уже одно это должно было бы развеять страх Берга перед погружением в смерть. Но он знал, что на самом деле боится не самой смерти, а того, что она окажется бессмысленной и не даст ему того, на что он почти бессознательно надеялся все эти девять лет – возможности вновь увидеть Мари. Если Берг и выглядел при этом безумцем – в своих собственных глазах, разумеется, поскольку он никогда не высказывал свои мысли по этому поводу вслух, – то во всяком случае его научная деятельность получила одобрение университетского совета и была признана перспективной. Следовательно, именно этот факт он всегда мог привести как главный и единственный двигатель своих исследований.

Когда Берг уже приканчивал свой завтрак, в кухне появилась заспанная Нора. Слегка переваливаясь, она подошла к столу и налила себе из термоса травяной чай. Ее округлый живот, скрытый ночной рубашкой и всякий раз поражавший Берга своим наполовину мистическим развитием, как будто независимым от женщины, исчез за краем стола.

– Как неудачно ты уезжаешь, Ален, – зевая, заплетающимся со сна языком сказала она. – Неужели никак нельзя отклонить приглашение?

– Я связан контрактом, ты же знаешь, – пробормотал Берг. За последнюю неделю они ровно семь раз обменивались этими фразами, и он уже почти поверил, что действительно уле-

тает в другой город. – Кроме того, у родителей за тобой будет ухаживать мать. И ты давно не была в Гринфилде. Три дня – совсем небольшой срок, Нора. Повидаешься с подругами детства, в конце концов.

Этот довод он еще ни разу не использовал, а потому не был уверен в его эффективности. Нора подняла расширившиеся в раздумье глаза к потолку и замолчала, видимо, припоминая, с кем она могла бы связаться по приезду к родителям. Паузу пререзал телефонный звонок, Нора протянула к подоконнику немного располневшую руку и сняла трубку. Берг был уверен, что звонит ее отец, собиравшийся приехать за ней на машине, часам к двенадцати дня. Последним глотком осушив кружку, он поднялся и надел пиджак, висевший на спинке стула. Ладонь наткнулась на письмо, написанное им вчера и адресованное представителям полиции и прессы, которое будет оглашено в случае провала эксперимента. Не стоило сочинять его дома, но вечером у Берга возникло соответствующее моменту настроение, и строки об осознанности его выбора и пожелания успеха тем, кто продолжит его дело, прочая высокопарная чепуха полились на бумагу неиссякаемым потоком. Вчера он не стал перечитывать свое послание, справедливо опасаясь, что порвет его в клочья, не станет и сегодня: сил написать новое у него уже не хватит, а оставить Марека один на один с репортерами и полицией он не мог.

– Я жду тебя к полудню, – проговорила Нора в трубку и положила ее на рычаг, поднимая на Берга обреченно-спокойный взгляд круглых белесых глаз. – Ты будешь звонить мне, Ален?

– Конечно, дорогая, – улыбнулся он и провел ладонью по ее животу, внутренне запаниковав, поскольку совершенно не подумал о том, что где-то еще тоже есть работающие телефоны. По дороге в университет у него будет время, чтобы обдумать способ, как ввести Нору в заблуждение. В крайнем случае Марек всегда сообразит, чем объяснить его молчание, или позвонит с испорченного аппарата, чтобы исказить голос. Ему в голову пришло расхожее выражение, порой встречавшееся в детективах: “звонок с того света”, и Берг нервно усмехнулся, пряча лицо в спутанных волосах жены.

– Я позвоню из аэропорта, перед отлетом, а затем вечером, в Гринфилд.

– Только бы ты не опоздал к нужному моменту, – лукаво молвила Нора.

– Но ведь врачи дают тебе еще по меньшей мере неделю, – встревожился он, приложив ладонь к ее животу.

Она улыбнулась и подтолкнула его к выходу.

Ален взял заранее приготовленный чемодан, действительно набитый нужными в поездке вещами, и вышел из дома. Закинув багаж в машину – он так и пролежит там все три дня – Берг выехал за ворота и направился в Университет. Последние несколько месяцев, с того самого дня, как он понял, что эксперимент состоится, он постоянно менял ворота, через которые въезжал на территорию. Так что теперь охрана ничуть не удивится, если вечером Берг не минует тот же пост, где его видели утром. Не выходя из машины, он махнул рукой Стиву, вот уже лет десять нажимавшему кнопку электрических ворот. Вообще-то он был обязан предъявить свой допуск на эту огороженную территорию, где располагалось несколько внушительных лабораторных комплексов, однообразно-серых и одноэтажных. Берг уже и не помнил, когда охранники в последний раз досматривали его документы.

Он взглянул на часы: до появления Марек оставалось еще около получаса, этого времени как раз хватит, чтобы собраться с мыслями и еще раз проверить систему. Он отпер единственную дверь в отдельно стоящем приземистом здании криобиологической лаборатории и оказался в привычном полумраке, но он и так знал, где здесь что находится. Полностью раздевшись и затолкав костюм и все остальное, включая письмо, в свой шкафчик, он тщательно запер его и сунул ключ в карман своего стерильного халата.

Посещение душевой заняло ровно десять минут. Влажные волосы пришлось приглаживать ладонью: не лезть же в грязный шкафчик за оставленной в кармане расческой!

Ровный, “аварийный” свет в коротком сером коридоре мягкими бликами играл на блестящих металлических табличках, привинченных к дверям. Берг поднял второй рубильник, подводя энергию к установке, и в ответ услышал, как щелкнули запорные механизмы дверей, переключаясь с постоянного тока от батарей на переменный от генератора. Второй рубильник установили лет десять назад, чтобы разделить электропитание вивария, в то время только принявшего крупных животных, и остальных помещений лаборатории.

Как ни странно, Берг совершенно не нервничал; похоже, вся его эмоциональная энергия была поглощена тысячами часов, проведенных им в подготовке решающего эксперимента на себе, растворилась в сотнях опытов на животных и бесчисленном множестве хладнокровных обсуждений с коллегами промежуточных результатов. Он вошел в главное помещение всего комплекса, то, где стоял саркофаг. К нему тянулись змеи проводов, почти погребенные под горами датчиков, фиксирующих все мыслимые параметры внутренней среды. Центральный компьютер сети, поддерживающий функционирование системы как целого, ответил на прикосновение к кнопке питания слабым урчанием. Несколько минут продолжалось тестирование отдельных блоков, и в это время Берг последовательно включал криогенную установку, компрессионную секцию, обеспечивающую необходимое давление жидкости и одновременно осуществляющую циркуляцию газа в саркофаге, и наконец электрический контур, компенсирующий магнитное поле Земли. На дисплее вспыхнула и замигала зеленая панель – это означало, что достигнута первая степень готовности комплекса к эксперименту. Синюю он уже не увидит, находясь в состоянии клинической смерти, медленно плавая в питательном растворе, насыщенном кислородом.

Берг просеял оперативную память компьютера и убедился в том, что все необходимые программы запущены и в то же время отсутствует рабочий мусор и лишние резиденты. Тут же крутилась программа экстренного выхода на режим прекращения опыта и оживления тела, рассчитанная на случай природного катаклизма вроде землетрясения, когда может возникнуть угроза физического разрушения генератора или одного из компонентов системы. Самому себе Берг признавался, что она ни разу не была опробована в реальных условиях, а потому он не был до конца уверен в ее работоспособности. Но не мог же он учинить в собственной лаборатории землетрясение или пожар! В то же время имелаась программа постепенного оживления тела, которую и предполагалось задействовать спустя шестнадцать часов после смерти подопытного. Так или иначе, за все время эксплуатации комплекса сбоев в его функционировании никогда не было, и Берг был уверен, что так же будет и в этот раз.

Таким образом, три часа займет постепенное угасание жизненных функций организма, шестнадцать – собственно состояние смерти и еще четыре – оживление. Еще порядка сорока часов потребуется на курс реабилитации, который полностью восстановит работоспособность организма Берга. Условия здесь, конечно, не такие, как в клинике, но выбирать не приходится.

Негромко хлопнула дверь, ведущая в здание – скорее всего, появился Марек, как всегда пунктуальный. Часы на стене показывали восемь тридцать. Еще спустя пять минут, после привычной процедуры дезинфекции, он возник в дверном проеме лаборатории и приветствовал своего научного руководителя. Берг не заметил на его слегка полноватом, по обыкновению серьезном и неуловимо добродушном лице ни следа волнения. Марек отличался чрезвычайно крепкими нервами, как, впрочем, и сам Берг, иное при таком характере работы было просто невозможно.

– Есть маленькая проблема, – сказал Ален, пока ассистент еще раз проверял показания датчиков на мониторе. – Нужно позвонить Норе в Гринфилд сегодня вечером и обменяться с ней парой фраз, от моего имени, конечно.

Марек кивнул как будто рассеянно, но Берг твердо знал, что он не забудет его просьбу.

– Ален, – помедлив, произнес ассистент, – я все-таки предлагаю Вам доверить проведение эксперимента мне.

Берг уже не раз выслушивал его доводы по этому поводу, каждый раз все более здравые и убедительные, но сегодня Марек не стал развивать свою мысль, видимо, не сумев изобрести ничего оригинального.

– Я и так тебе полностью доверяю, – усмехнулся Берг.

Он поднял трубку телефона и набрал свой домашний номер. Несколько бодрых фраз, и он был готов к тому, чтобы лечь в саркофаг. Берг медленно обошел его, осторожно коснувшись разноцветных проводов, подведенных к откинутой в этот момент непрозрачной крышке, снабженной небольшим смотровым отверстием, герметично забранном пластиком.

Наконец он скинул халат и перелез через край. Марек ввел ему в вену транквилизатор, один из промежуточных компонентов химической накачки, и глаза Берга закрылись.

– Если со мной что-нибудь случится, – с трудом ворочая языком, пробормотал он, – в кармане моего костюма ты найдешь письмо.

Ассистент не ответил, задвигая на место крышку, но Берг надеялся, что он сказал свои последние слова достаточно внятно. Какое-то время он с бесстрастностью ученого еще контролировал собственное сознание, хотя органы чувств постепенно отказывали ему по мере того, как емкость заполнялась биологически активным раствором, окутывая тело мягкими, пока еще теплыми, почти неотличимыми от воздуха волнами. Он уже не заметил, как несколько игл одновременно вошли ему под кожу, вводя микродатчики. Разум отказал ему задолго до того момента, как все функции организма, холодного и неподвижно плавающего в саркофаге, были полностью подавлены.

I. Семья

Кто-то грубо и монотонно шлепал его по щекам, придерживая влажными пальцами за подбородок, отчего голова Берга, лежавшая на чем-то довольно твердом, моталась из стороны в сторону. Челюсть едва не выскакивала из пазов.

– Проклятый младенец какой-то вялый! – зло буркнули у него над ухом. Берг замычал и попытался поднять руку, чтобы оттолкнуть от себя мучителя, но безуспешно. Глаза также отказывались открываться.

– А что ты хотел от внегробовой беременности? – сказал другой голос, сварливый и неприятно режущий слух. – Вечно с ними приходится возиться. И со здоровьем у них потом проблемы: то волосы выпадают, то зубы.

– На себя посмотри – лысина-то вообще врожденная!

Неведомый доктор отстал от Берга и с тяжелым вздохом отошел куда-то по направлению к собеседнику.

– Все, теперь остается только ждать, когда он сможет самостоятельно передвигаться, – проговорил тот, что не принимал участия в избиении. – Диктуй цифры, я записываю.

Ален понял, что его вытягивают за ноги и слегка перетряхивают, распрямляя окоченевшие члены.

– Рост – примерно один метр и восемьдесят сантиметров, вес... полтора медимна.

– А поточнее не можешь сказать? В фунтах, например, или килограммах?

– Ты пиши, пиши. Неплохо выглядит, а? Кровь, конечно, синяя?

– Сейчас проверим, – некто звякнул металлом, и через секунду холодное лезвие с легким хрустом распороло кожу на бедре новорожденного. Тонкая струйка жидкости стекла в подложенную снизу тряпку, тут же засыхая и вызывая слабое тянущее чувство.

– Ты прав, синяя. Недаром он родился не в гробу, как нормальные люди. Родовая травма, кстати, отсутствует, так и отметь. Или она где-то внутри, как думаешь?

– Откуда мне знать, ты же роды принимал!

– А у тебя глаз нет, что ли? “Принимал”! Мы, кажется, в паре дежури́м. Ладно, черкни там, что повреждения – внутренние.

– У нас с тобой это только первый сегодня, – озабоченно произнес резавший Берга. – А молодые сотрудники очень нужны Комиссии.

Никакой боли не было, хотя какая-то часть сознания Берга была уверена, что его только что разрезали. В мозгу по-прежнему плавал вязкий туман, но все же не такой густой, как в первые минуты после пробуждения. Постепенно возвращалось ощущение того, что он обладает некоей физической оболочкой, а не только бестелесным и заторможенным духом. И она, эта оболочка, в настоящий момент валяется на твердом, прохладном покрытии.

– Только не говори мне про Комиссию, – насмешливо проговорил тот, что записывал цифры. – Выродки, что порхают над улицами – вот те, из кого сколочен Отдел изъятий твоей распрекрасной Комиссии.

– Не ты ли еще недавно делал то же самое, высматривая жертву? Меня-то сразу отчислили за плохие летные качества.

– Все в прошлом, – раздался ворчливый, полный скрытой злобы голос.

Наконец Ален смог пошевелиться и открыть глаза. На него без всякого выражения смотрели два сотрудника родильного отделения, облаченные в длинные серые халаты, один – жилистый синеватый тип с глубоко запавшими глазами, с лысой макушкой – стоял и вертел в руках сильно потрепанное, огромное перо, которым только что делал отметки в журнале. Другой, напротив, коренастый и одновременно рыхлый, покрытый мелкими пятнами неопределенного сине-зеленого оттенка, сидел на краешке стола и болтал правой ногой в воздухе. На его руках

Берг заметил фиолетовые потеки. Приподняв голову, он взглянул на свое раненое бедро, но никаких следов хирургического вмешательства, кроме засохшей темно-синей полоски крови, не заметил. В голове прояснилось, но это не добавило ему понимания ситуации, более того, такое “движение по течению” казалось ему наиболее естественным для человека, только что появившегося на свет. Он прекрасно знал, что старшие и опытные товарищи постепенно покажут ему все, что нужно, и помогут освоиться в незнакомой обстановке. Новорожденный не может знать и уметь все, и необходимо время, чтобы он стал нормальным членом общества.

– Где я? – пробуя голос, спросил он, переводя взгляд на ряд низких столов, уставленных пустыми и грязными гробами. Кроме покосившегося шкафа, никаких других предметов в помещении, представлявшем собой унылый ящик без окон, не имелось. Его освещало несколько грязно-серых свечей.

– Известно где, в родильном заведении. Осталось только спросить, кто ты! – резко хохотнул толстяк.

– Я Ален Берг.

Они удивленно переглянулись, и стоявший строго поинтересовался у товарища:

– Ты уверен, что у него синяя кровь, Пауль?

– Разумеется, черт побери! – разозлился тот. – Проверь сам, если такой умный.

Лысоватый, достав откуда-то журнал, сделал в нем отметку и пожал плечами, но промолчал, а его коллега слез со стола и помог Алену встать на ноги, поддерживая его левой рукой. Тот сделал несколько нетвердых шагов и почувствовал, что еще чуть-чуть отдыха – и он сможет передвигаться самостоятельно.

– Какая, в конце концов, разница, – как бы про себя пробормотал писец, – хочет быть Аленом Бергом, пусть им и будет. Все равно в Обители переименуют.

В этот момент со стороны гробов раздался слабый хлопок, и принимающие роды сотрудники забыли про Берга, переключившись на вновь прибывшего. Потеряв поддержку толстяка, Ален схватился за край стола и прислонился к нему, робко разворачиваясь лицом к новорожденному. Это был довольно старый на вид человек, бледный, сухощавый и сторбленный, испуганно выглядывающий из-за края своего деревянного ложа. “Доктора”, не церемонясь, подхватили его под руки и ловко извлекли наружу, не встретив сопротивления. Однако, когда они попытались оставить старика без поддержки, выяснилось, что он совершенно не держится на ногах. Одет он был в строгий черный костюм, на уровне груди, с левой стороны, к пиджаку крепился красный цветок, единственное яркое пятно в поле зрения Алена. Новорожденный с любопытством озирался, высунувшись из-за плеча толстяка, но когда его взгляд наткнулся на голого замершего Берга, в белесых глазах мелькнула странная смесь страха и сочувствия. Впрочем, возможно, в том, что Алену так показалось, виновато было слабое освещение. Сам он уже освоился и равнодушно взирал на то, как к нему, предварительно наспех обмерив, подвели старца, которого он был вынужден поддерживать, чтобы тот не растянулся на каменном полу. Старик вцепился в Берга, оставляя на его теле сероватые следы неожиданно крепких сухих ладоней.

Один из встречающих подал Алену такой же точно халат, что болтался на нем самом. Одежда была пропитана каким-то составом и с трудом налезла на чувствительное тело, царапая складками кожу, но уже через несколько шагов Берг перестал обращать на нее внимания.

– Там, направо по коридору, – махнул рукой толстяк, и они оба в ту же секунду совершенно забыли о прибывших, отвлеченные характерным звуком рождения нового человека в одном из дальних гробов. Когда Берг выволок висящего на нем старца за дверь, очутившись в широком проходе, гулком и промозглом, его спутник предпринял попытку идти, опираясь о стену.

– Я сам, – сипло сказал он, отталкивая руку помощи.

– Ладно уж, чего там. – Берг подцепил спутника за тощий локоть, увлекая того к неизвестной цели. – Ты что, боишься меня?

– Н-нет, нисколько, – вздрогнув, ответил старик. – Почему я должен тебя бояться? Ты, конечно, старше и сильнее меня...

– Я старше тебя всего на несколько минут, – рассмеялся Берг.

Стукнула дверь, и впереди них на расстоянии нескольких метров возникла фигура человека в спортивных трусах и с голым торсом. Его сильные ноги как-то неестественно изогнулись, ступни вывернулись наружу, и сам он по этой причине стоял не слишком устойчиво. Махнув рукой Бергу и его подопечному, он бодро заковылял по коридору и быстро скрылся за поворотом. Пока Ален дотащил старика до регистратуры, их обогнала одна весьма пожилая женщина, быстро закончившая свои дела перед окошком и с веселой улыбкой на сиреневых губах покинувшая здание через большую стеклянную дверь.

Старик наконец совершенно пришел в себя и мог шагать самостоятельно, чем и занимался последние несколько метров пути. Мимо них быстро, словно куда-то опаздывая, пробежала, хромя на левую ногу, девица с болтающейся не в такт рукой. На ходу она обернулась и пристально взглянула на Берга, и ему показалось, что уголок ее рта немного искривился. Если бы не общая несуразность, ее можно было бы назвать симпатичной, и Ален улыбнулся ей в ответ.

– Не отставай, – вдруг сказала она и прошмыгнула в дверь.

Он повернул голову к спутнику, желая спросить его о причинах странного поведения девушки, но тот уже просунул голову в окошко и что-то втолковывал скучающей регистраторше, лениво листавшей толстый справочник.

– Бранчик моя фамилия, – расслышал Берг взволнованный голос старика. – Ты уж посмотри в книжке, пожалуйста, здесь обязательно должно быть несколько наших. Януш Бранчик я.

Бергу стало невыносимо скучно стоять и смотреть на жутковатую особу за перегородкой, и он двинулся было вслед за поманившей его женщиной, но его остановил властный голос:

– Новорожденный, вернись!

Ален затравленно обернулся и застыл.

– Ты подошел ко мне, а значит, должен зарегистрироваться, – на сероватом, тонкогубом лице застыло брезгливое выражение. – Как, по-твоему, Комиссия узнает, сколько людей живет в нашей стране? А самое главное, кто они такие и где прячутся от вестника?

Бергу уже второй раз приходилось выслушивать чужие сентенции о неизвестных ему организациях, и он вдруг понял, что их названия почему-то внушают ему страх, неясный, необъяснимый, но вполне отчетливый.

– Мама моя девочка, – заныл старец, – пусти меня домой, я спать хочу.

Регистраторша бросила взгляд на большие круглые часы с треснувшим циферблатом, висевшие у нее за спиной на пустой желтой стене, и страдальчески вздохнула. Маленькая стрелка почти приблизилась к четверке, а большая – к двенадцати. Девица полистала свою книгу и нашла нужную запись, проведя по строчкам пальцем с длинным черным ногтем.

– Седьмая улица, дом тридцать четыре.

Мгновенно забыв про старика, радостно юркнувшего за порог, она сверкнула подведенными синью глазами на Алена.

– Берг, – сказал он поспешно. – Моя фамилия Берг.

Она внимательно оглядела его сверху вниз, причем у него создалось впечатление, будто она в состоянии смотреть сквозь непрозрачный барьер, и вновь обернулась. До четырех часов оставалась ровно две минуты, и это ей очень не понравилось. Берг почему-то боялся ее, и ему хотелось сказать ей что-нибудь приятное.

– У тебя красивые ногти, – пробормотал он. – Они такие фиолетовые!

Она усмехнулась и склонилась над своим гроссбухом, и Берг обратил внимание на прямоугольную пластинку, прикрепленную на ее блузке на уровне груди. На ней было написано витиеватыми буквами слово “Карла”.

– Улица шесть, дом девятнадцать, – сказала она через несколько секунд. За своей спиной Ален услышал шаркающие шаги, и поторопился отступить от окошка, краем глаза успев заметить смену настроения Карлы с благодушного на скандальное.

Его с непреодолимой силой потянуло вон из этого мрачного учреждения, и когда он вышел из него на каменное крыльцо и увидел глубокое синее небо и низко висящий над зданиями диск солнца, оранжево-красного и прохладного, то почувствовал, как его распирает от счастья. “Как хорошо, что я родился”, – подумал он и вприпрыжку спустился на полоску утопанной земли, змейкой вливавшуюся в широкую дорогу, выложенную шершавыми каменными плитами. Выйдя на нее, он повертел головой, рассматривая симпатичные, но мрачноватые двухэтажные домики, громоздящиеся вплотную по обеим сторонам улицы. По ней в разных направлениях, порой сворачивая в двери или на пересекающие ее пути, двигались десятки людей, некоторые парами, но чаще поодиночке, в основном медленно и зачастую опираясь на трости. Глубокие сине-серые тени пролегали между зданиями, и заглядывать туда не хотелось.

Пока Берг рассматривал окрестности, количество людей на улице стало стремительно уменьшаться, и вскоре остались только он и самые медлительные из пешеходов.

Берг не торопясь повернул налево и стал выбирать кого-нибудь посмышленее на вид, чтобы поинтересоваться дорогой к шестой улице, и тут резкий свист в воздухе привлек его внимание. Прямо перед ним с неба опускались два крылатых существа, одетых в черные куртки и такого же цвета узкие штаны. Ален узнал старика, который покинул родильный дом за минуту до него, удалявшегося от него по улице – сейчас он, зашатавшись, широко и нелепо взмахнул руками и осел на камень, растянувшись на животе. Из спины у него торчало нечто, смахивавшее на короткую стрелу без оперения.

Берг ускорил шаг и приблизился к нему одновременно с крылатыми людьми, с шумом приземлившимися рядом, заработав от одного из них, невысокого роста чернявого мальчишки с хищным одутловатым лицом, чувствительный тычок под ребра.

– Ну, что уставился? – прошипел он, сверля Берга бешеными глазами. – Проваливай, пока ходить можешь.

– Не отвлекайся, Макс! – осадил его второй, выглядевший значительно старше и солиднее, пытаясь перевернуть носком черного сапога лежавшего неподвижно старца. – А ты слушай, что тебе говорят, – проведя холодным взглядом по фигуре Берга, посоветовал он.

Макс повернулся к нему спиной и наклонился над лежащим. Его крылья, покрытые темно-серыми перьями, достигавшие кончиками колен, возбужденно подрагивали, когда он, не вынимая криво торчавшей стрелы, перевернул старика, расстегнул пиджак и сорочку и провел извлеченным из-за пояса ножом между его ребер на уровне сердца. Из раны стала сочиться багровая кровь. Сам старец в это время хрипел, его пальцы скрючились, нелепо хватая воздух.

– Эй, что это вы делаете? – спросил Берг, который словно почувствовал страх жертвы.

Парень резко выпрямился и приставил окровавленный нож к животу Алена, слегка вдавив его острие в податливую плоть.

– Проваливай, я сказал! – крикнул он и толкнул его свободной рукой. Берг отступил, наблюдая, как юный “хирург” не торопясь продолжил свое дело: сделал второй надрез под нижним ребром и вытер свое орудие об одежду жертвы, оставив на ней бурую влажную полосу. Мимо них продолжалось движение народа, и Берг заметил, что только он один проявляет интерес к происходящему, остальные же тщательно отворачиваются и обходят группу стороной.

Тем временем Макс спрятал нож и просунул пальцы в верхний разрез и схватился за оба ребра.

– Может, с одного начнешь? – насмешливо поинтересовался второй.

– Витор, я свою силу знаю, – с нотками гордости ответил юнец и, не особенно напрягаясь, дернул на себя. Раздался хруст, но кость устояла; изо рта старика потекла струйка слюны, а из ран кровь, тут же застывавшая темными потеками, не достигая камня.

– Оставь его в покое! – вскричал Берг, отталкивая Макса. Тот от неожиданности опешил, но в следующее мгновение его рука метнулась к поясу. Ален не стал ждать, когда он выхватит свой окровавленный нож, и резким движением правой руки смял его челюсть, так что она громко треснула и сдвинулась вбок. Глаза Макса съехались к носу, он обмяк и плашмя упал на каменную мостовую, глухо стукнувшись об нее затылком. Во время падения его куртка задралась вверх, и Ален увидел, что к его поясу приторочен потертый арбалет, из которого, по всей видимости, и был произведен разящий выстрел. Он развернулся вправо, готовый к атаке Витора, но тот настолько удивился, что стоял, с крайним недоумением глядя на противника, и очнулся только через несколько секунд, затем медленно отступил и приблизился к неподвижно лежащему товарищу. Его крылья, более массивные и темные, чем у Макса, как-то съежились и мелко подрагивали, их кончики нервно взметали мелкую пыль на мостовой.

Поминутно посматривая на них, Берг склонился над стариком и левой рукой повернул его так, что стало возможным выдернуть стрелу. Она вышла из тела неожиданно легко – как выяснилось, ее наконечник был невелик размером и сделан без зазубрин. Послана она была так сильно, что погрузилась в плоть на пять-десять сантиметров. Стоило Бергу удалить стрелу, как Бранчик оттолкнул его руку, бодро вскочил на ноги и изо всех сил припустил по улице. Оглянувшись он только раз – убедиться в том, что его не преследуют.

– Ты совершил ошибку, – медленно сказал Витор, приподняв голову Макса и сквозь прищуренные веки рассматривая Алена, словно старался получше его запомнить. – Это была только тренировка, мы бы все вернули на место.

Но Берг его не слушал.

– Постеснялись бы к новорожденному приставать. Януш! Да постой же, Януш!

Он бросился вслед за ожившим старцем, но ему удалось догнать того только за поворотом, куда тот забежал при первой же возможности. Будь Берг не так расторопен, беглец не преминул бы залезть в какую-нибудь щель между домами, чтобы в ней отсидеться. Поняв, что от Алена ему не скрыться, прыткий Бранчик, загнанно дыша, прислонился к стене дома и ощупал грудь в том месте, где она подверглась препарированию. Оба разреза уже исчезли, и только потеки засохшей крови на теле и костюме, а также дырка в одежде свидетельствовали о том, что старик подвергся нападению крылатых людей в черном.

– Что ты за мной ходишь? – с придыханием спросил он Берга, в любую секунду готовый пуститься в бегство и с испугом взирая на стрелу в его руках.

– Не бойся, Януш, это ведь я спас тебя, – примирительно сказал Ален.

– Ты специально шел за мной?

– Нет, я случайно там оказался, когда тебя уже подстрелили. Пойдем, я провожу тебя домой, а то эти плохие люди опять могут напасть. В конце концов, должен же я помочь младшему товарищу.

Бледные губы старика скривились в подобие улыбки:

– Тоже мне, старший! Зато я в рубашке родился, а ты в какой-то хламиде.

Берг хотел рассказать о содержании беседы тех, кто принимал его роды, но сдержался и вместо этого подхватил Януша под руку и повел прочь от перекрестка. На внутренней стороне его халата оказалось несколько петель разного размера и неясного назначения, и одна из них идеально подошла для того, чтобы пристроить в ней принадлежавшую летунам стрелу. Небольшая часть наконечника, не испачканная кровью, поблескивала беловатым металлом, тонкое короткое древко было жестко закреплено скобками.

– Кстати, спасибо, что ты помог мне сбежать от них, а то, по-моему, они собирались вытащить у меня сердце.

– Почему ты так решил? – поразился Ален, на мгновение представив себе распростертого на камне старика с развороченной грудью и жестоких налетчиков, складывающих в мешок награбленное. Эта картина ему не понравилась.

– Да я и сам не знаю, почему так подумал. – Януш уже вполне отдышался и шел со всей возможной для себя скоростью, перестав оглядываться только тогда, когда путники еще раз свернули, чтобы продолжить движение в нужном направлении. – Интересно, зачем им понадобились мои ребра?

– Ты же сказал, что они собирались отнять у тебя сердце.

– Разве я так сказал? Тебе могло показаться.

Берг не ответил, рассматривая таблички на домах, на каждой из которых имелось по два числа, разделенных дефисом. Видимо, Бранчик успел кого-то расспросить о седьмой улице, поскольку вел себя довольно уверенно и не вертел головой, пытаясь рассмотреть номера домов на пересекающих их путь улицах. Застройка в этом районе была проведена до крайности рационально, по четыре дома на жилой квартал, вследствие чего каждый дом имел двойную нумерацию. Неясно, присутствовали или нет здесь какие-либо другие учреждения, кроме родильного, но в той части города, где находились два новорожденных, никаких вывесок на строениях не было.

Несколько раз путникам попались на глаза странные, короткие металлические трубы, торчащие прямо из брусчатки, снабженные ручками. Возле каждой такой трубы толпилось по несколько возрастных женщин с ведрами: терпеливо двигая рукоятки на трубах, они наполняли свои мятые ведра прозрачной водой и бурно переговаривались. Вверх, кажется, они при этом и не поглядывали.

Солнце опустилось еще чуть-чуть, на едва уловимую долю удлинив тени, но его по-прежнему было отлично видно в просветы между строениями. Небо оставалось таким же чистым и глубоким, как и в тот момент, когда Берг увидел его впервые.

Шестая и седьмая улицы пересекались, и путники вышли практически точно к тридцать четвертому дому, в темных окнах которого сквозь шторы поблескивал колеблющийся огонек. Бранчик дрожал от возбуждения, когда схватился за массивную металлическую ручку на двери и потянул ее на себя.

– Заходи как-нибудь, – сказал он и почти пропал в полумраке, скрывшем от Берга детали внутреннего убранства. Через секунду, когда глаза Януша адаптировались к новой освещенности и он, вероятно, сообразил, куда ему идти, дверь с сухим щелканьем захлопнулась перед носом у Берга.

За то время, пока Ален провожал старика, солнце практически не сдвинулось с места. Это навело его на мысль о том, что день здесь достаточно длинен и он успеет всласть погулять по родному городу, такому красивому и незнакомому. Единственная неприятность, занозой засевшая у него в памяти – стычка с крылатыми людьми, вздумавшими причинить вред его единственному другу. Но она стала уже постепенно забываться, вытесняемая новыми впечатлениями. Он немного подумал над тем, можно ли считать друзьями тех двоих, что принимали роды, и решил, что они всего лишь выполняли свою работу. Кроме того, они не представились.

Как ни странно, кажется, никто не испытывал желания бесцельно прогуливаться среди зданий, и всякое движение по улицам почти совершенно прекратилось, но Берг и так уже знал, как ему найти свой дом. Присмотревшись к табличкам, белевшим на стенах, и совсем немного поразмыслив, он определил направление, в котором ему следует идти, и направился вдоль фасадов, всматриваясь в окна и прислушиваясь к звукам, доносящимся из-за стекол. Слабый встречный ветер, достаточно теплый, шевелил ему волосы, наполняя ноздри причудливыми, в большинстве своем неопределяемыми запахами.

Бергу было не слишком весело идти между домов, почти не встречая местных жителей: архитектура, хоть и вполне приятная для глаза, быстро утомила его. Ему стало понятно, почему

все попрятались в своих жилищах, среди товарищей и родных, и ведут увлекательные беседы – ему тоже захотелось сесть и расслабиться в полутемном уголке родного дома. Может быть, даже под звуки приятной музыки, обрывки которой время от времени вырывались сквозь плотно закрытые рамы и глухие шторы, не позволявшие ему заглянуть в окна первых этажей. Берг так замечтался, что долгое время не сверялся с табличками, а когда опомнился и сделал это, оказалось, что он находится буквально напротив входа в свое будущее жилище. Он задрал голову и окинул взглядом его фасад, выкрашенный в стандартный светло-зеленый цвет. По нему тянулись два ряда окон, в которых красовались непрозрачные коричневые шторы. Все их окружали незамысловатые барельефы, состоящие, как заметил Берг, присмотревшись, из маленьких кособоких крестиков. От соседних зданий его дом отличался чрезвычайно высокой, островерхой синей крышей, отчего возникало впечатление, что чердак, если в него есть доступ, вполне может использоваться обитателями в качестве третьего жилого этажа. Внутри было как-то особенно шумно, и шум этот показался ему нестройным и не разбивался на отдельные фразы, а сливался в одну бессвязную какофонию.

Берг постоял еще несколько минут, чувствуя волнение перед визитом к незнакомым взрослым людям, затем тихо отворил дверь и вошел в слабо освещенную прихожую, наполненную сладковатыми запахами, струившимися со второго этажа. Оттуда доносились невнятные выкрики, слышался звон посуды и нестройный топот множества ног.

Как-то его здесь встретят? Все его родственники, все Берги города собрались под одной крышей и производили изрядный шум; особенно старался пианист, изо всех сил, иногда невпопад ударяя по клавишам расстроенного инструмента. Ален неторопливо поднялся по скрипучим ступеням, то и дело крутя шеей в попытке рассмотреть хоть что-нибудь сквозь ажурные перила, тонкой вязью опутавшие узкую лестницу и матово поблескивавшие изящными стигмами. Кажется, он преодолевал всего два небольших пролета минут пять, когда наконец твердо сказал себе, что он имеет полное право заявить о себе, не опасаясь быть выставленным вон.

Десятки свечей, несмотря на светлый закат, от которого предпочли отгородиться, пылали по стенам огромного помещения, открывшегося его взору за последним поворотом лестницы. По меньшей мере человек двадцать разбились на небольшие группы от двух до пяти членов и занимались в основном тем, что шумно беседовали и танцевали. Их телодвижения выглядели необычно, но понравились Бергу своей неумной экспрессией. Те же, что не принимали участия в зажигательных танцах, старались перекричать соседей, в результате чего ни единого слова из их разговоров разобрать было невозможно. Некоторые держали в руках грязноватые стаканы. Берг сомневался, заметил ли кто-нибудь из них его появление, и это наблюдение придало ему уверенности – он по-прежнему слегка смущался, несмотря на непринужденную атмосферу вечеринки. Никакой мебели не было и в помине, за исключением обшарпанного инструмента, на желтоватой клавиатуре которого местами чернели прогалины отсутствующих клавиш. За ним спиной к выходу, низко склонившись, восседал на покосившемся стуле очень нескладный человек с необыкновенно длинными конечностями, позволявшими ему с легкостью извлекать любой доступный инструменту звук.

Посмотрев в другую сторону, Берг убедился, что там, по всей видимости, находятся жилые комнаты, расположенные по обе стороны от узкого, почти не освещенного коридора.

Внезапно откуда-то из глубин толпы возникла нарядно одетая женщина и приблизила к Бергу свое бледное лицо, покрытое мелкими блестящими капельками пота. Кружась, она остановилась возле него и схватила его ладонь своей прохладной рукой. Берг, оглушенный слепым восхищением ее грацией, во все глаза смотрел на нее, испытывая прилив искреннего восторга. Ее пышное ярко-красное платье, широкими складками подметавшее дощатый пол, завершавшееся на гладкой груди розовыми кружевами, постепенно остановило колебательное движение, словно нехотя принимая ту же неподвижную позу, что и его хозяйка, в свою очередь, с холодным изумлением уставившаяся на Берга. Ее взгляд, еще секунды назад непринуж-

денно-веселый и бездумный, наполнился пылающими искорками любопытства, как будто она увидела волосатого таракана. Но Ален решил, что именно так и встречают новорожденных, и приветливо улыбнулся. Неровный шрам, тянувшийся через все ее горло, опечалил Берга настолько, что он протянул руку и сочувственно коснулся его пальцем, ощутив его влажную мягкую плоть, на которой в точке прикосновения осталось пятнышко более светлой кожи, быстро пропавшее. Тонкое лицо незнакомки едва заметно гневно скривилось, будто ей причинили не столько физическую, сколько душевную боль, она всхлипнула и отодвинулась от Берга, вызвав бурную затухающую волну на поверхности своего наряда.

– Прости, если я сделал тебе больно, – взмолился Берг, протягивая к ней руки.

Она улыбнулась и мимолетно оглянулась на присутствующих в комнате людей, но никто из них не смотрел на пару, застывшую у входа.

– Меня зовут Мари, – смягчилась она.

– А меня Ален, – обрадовался Берг, поняв, что она на него не сердится. – Неужели это моя семья?

– Если твоя фамилия Берг, – с шутливой строгостью сказала Мари.

– Да, да! – закивал он, всматриваясь в незнакомые разгоряченные лица.

– Ты немного опоздал, – укоризненно сказала она, беря его за руку и увлекая за собой, в гущу танцующих. Пианист, похоже, обрел второе дыхание и выдал что-то настолько забористое, что Берг неожиданно для себя пустился в пляс, хаотично вскидывая руки, но Мари охладила его пыл, показав, как выглядят требующиеся от него телодвижения. Но им не удалось закончить урок, поскольку музыкант выдохся и упал на клавиши тощей грудью. Одна из них издала свой последний звук и свалилась на пол, вызвав бурное веселье присутствующих.

– Наш праздник не прервать, даже если мы вовсе сломаем этот паршивый инструмент! – возгласил седой человек благородной наружности, тряхнув редкими, липкими от пота волосами. Его строгая черная сорочка была наполовину расстегнута, и через распахнутый ворот виднелись тонкие ключицы. – Все годы, что я знаю нашу Мари, она сама была музыкой, услаждавшей не только наши уши, но и глаза. И этот день рождения мог бы стать таким же радостным событием, как и все предыдущие, если бы не...

– Остановись, Авраам! – резко воскликнула Мари. – Ты знаешь, что пришла моя очередь.

– Да, знаю, – разгорячился оратор, – но скорблю со всем нашим семейством, потому что ты заменила Селену и стала для нас матерью. Все, кто отмечает здесь твой день рождения, впервые придя в этот дом, встречали тебя и получали свои первые уроки жизни. Я помню, как страдал, когда после сложных родов, ослабевший от избыточной потери крови, полз домой, и ты поделилась со мной своей жизненной силой, разрезав себе вену, и буквально заставила меня пить животворные соки своего тела!

Тут многие стали вспоминать эпизоды, когда Мари приходила им на помощь или даже вырывала из лап шпионов Свена, а то и черных летунов, но получилось очень нестройно и вразнобой, так что Берг не смог выделить ни одного связного рассказа. Пианист также очнулся и извлек несколько громких аккордов, но на него прикрикнули, и он обиженно умолк.

Мари подняла руку, и постепенно гам стих; все усталились на нее с откровенным обожанием.

– Это мой последний день рождения, – сказала она, обводя родственников равнодушным взглядом. – Но я еще долго – солнце шесть раз успеет скрыться за горизонтом, – буду с вами. Правду говоря, у меня уже не осталось сил участвовать в жизни моей семьи с той же энергией, что и раньше, и я хочу признаться вам, что с радостью встречу час своей смерти.

– Она сильно изменилась с тех пор, как прилетел вестник, – пробормотал некто над самым ухом Берга, стоявшего поодаль от основной массы людей.

Он взглянул влево и увидел, что его с интересом рассматривает худощавый, хорошо сохранившийся человек со скошенным назад черепом, как будто его раскололи по горизонтали

надвое и крайне небрежно сложили снова. Его единственный глаз был зелен, как краска на стенах дома. Берг растерялся и смущенно улыбнулся, желая произвести благоприятное впечатление на незнакомца.

– А когда это случилось? – любопытствовал Ален.

– Почти восемнадцать лет назад, – печально ответил одноглазый. – Как я понимаю, недавно из родильного учреждения?

– Да, только прийти и успел. Сколько же ей тогда лет?

– Двести пятнадцать. Совсем старая, правда? Даже старше Авраама.

Держа левую руку на уровне груди, Мари продолжала свою речь, расписывая воспитательные достоинства Авраама и других старейших представителей семьи, но отвлекший Берга человек не дал ему возможности как следует прислушаться к ее словам.

– Без сердца она уже не та, что раньше, – тихо произнес одноглазый, – совсем не та, хоть на первый взгляд это и не так заметно. И молодежью она теперь почти не занимается, хотя вначале и старалась жить как прежде. До вестника часто водила нас в цирк и на состязания кадетов, и вообще была добрая, а сейчас все больше сидит в своей комнате и никуда не выходит.

– А мне Мари понравилась, – заметил Берг, потрясенный известием о том, что кто-то лишил эту славную женщину сердца. Он с содроганием вспомнил крылатых людей в черном, пытавшихся вырвать ребра у старика Бранчика.

– Разумеется, малыш, – с готовностью согласился собеседник, – просто она помнит, как любила родных, вот и старается выглядеть прежней. У нее это неплохо получается.

Он замолчал, отвернувшись, а Берг внимательно всмотрелся в открытый участок груди Мари, пытаясь рассмотреть признаки варварской операции. Но если они и имелись, их скрывала ткань. Впрочем, следы разрезов у Януша исчезли довольно быстро, поэтому отсутствие шрамов у Мари было вполне возможным.

– ...Вы только не забывайте, что наш род не прекратится, когда я рассыплюсь горкой праха! Что бы ни говорил Авраам о Комиссии и пастыре, – она укоризненно покачала головой, – мы родимся заново в новом, справедливом мире. Непреложный закон жизни, которому я и другие старшие учили вас, пока у нас были силы – все когда-нибудь умирают, но им на смену приходит новое поколение, юное и энергичное. И вот вам доказательство! – Она подняла руку и указала ей на замершего в смущении Берга, невольно сделавшего шаг назад. – Ален, познакомься со своими родственниками, а вас всех прошу принять и любить нового члена нашей семьи.

Она устало сжалась, переведя внимание присутствующих на Берга, и как-то незаметно растворилась в общей массе, а новорожденного окружили весело вскрикивающие люди и стали все вместе и по очереди представляться и тискать ему ладонь, а то и сжимать в объятиях. Среди них, наряду с ничем не примечательными личностями, попадались поистине причудливые, поражавшие его своим видом и манерами. Один был покрыт мокрыми сиреневыми пятнами, издававшими приторный, манящий запах, другая прижала его к монументальному бюсту и облизывала толстыми липкими губами, еще кто-то приподнял над полом и уронил, чуть не отдавив ему ногу. Берг почему-то испугался, что при этом может обнаружиться стрела, висевшая у него на петельке, но все обошлось. Родичи буквально лучились доброжелательностью и горячо поздравляли Берга с благополучным прибытием.

Того, кто отвлек Берга во время выступления Мари, звали Сержем, и он с интимным видом, будто старый знакомый, потряс новорожденному руку.

– Тебе обязательно надо прийти ко мне после вечеринки, перед сном! – воскликнул какой-то восторженный пожилой человек. – Мы с тобой будем самыми молодыми в семье.

– Малыш, я завтра собираюсь на экскурсию на кладбище, – доверительно молвил бородастый широколицый человек с перекошенным ртом, назвавшийся Майклом. – Зайти за тобой?

Пианист вновь ударил по клавишам, но на этот раз его просто сдернули со стула, на который усадили Мари, со снисходительным видом озирающую толкотню вокруг новичка. Музыкант, бессмысленно улыбаясь, наклонился над Бергом и смачно поцеловал его в макушку; струйки горячей слюны потекли у того за ушами и потом по щекам, но их тотчас стерла своими жаркими объятиями костлявая морщинистая женщина, облобызавшая Берга.

– Я вас люблю! – вскричал он, освободившись от последнего из приветствовавших его людей, и подошел к Мари, с насмешливым любопытством оглядевшую его с ног до головы. Вдруг она встала и поцеловала его в губы, затем недоуменно отстранилась, будто не веря собственным ощущениям.

– Когда я прикасаюсь к нему, мне снова хочется жить, – негромко сказала она, но в этот момент все молчали, поэтому услышали ее. Мари недоуменно тряхнула головой: – Отметим же рождение нового члена семьи!

Откуда-то, кажется, с одного из широких подоконников, появились стаканы с желтоватой жидкостью, покрытые светло-коричневыми потеками, и несколько ножей, разительно напонивших Бергу тот, которым орудовал крылатый мальчишка. Все стали аккуратно, по очереди надрезать себе вены, тут же передавая орудие стоявшим рядом и нетерпеливо вздрагивавшим людям. В руках Авраама появился небольшой серый мешок, из которого патриарх стал вынимать щепотками какое-то белое сыпучее вещество и кидать его в стаканы всем желающим. Взболтав смесь, Берги выдавливали по пять-десять капель бурой крови в свои емкости и затем жадно опустошали их, после чего лица людей приобретали умиротворенное выражение. Разрезы быстро зарастали, жидкость в стаканах заканчивалась, и слегка разочарованные, но довольные родственники ставили посуду на подоконники.

– Ах, как нехорошо, – вдруг раздался мягкий голос Мари, с улыбкой наблюдавшей за процедурой, – никто не предложил свой нож и напиток нашему новому родственнику, а он не меньше, чем вы – а может, и больше – нуждается в своей дозе.

Многие тут же протянули свои инструменты Бергу, но Мари достала из невидимого кармашка платья миниатюрное лезвие и неторопливо приблизилась к благоговейно застывшему Алену, протягивая ему свой полупустой стакан, не замутненный ее красной кровью.

– Поделишься с мамой своей влагой? – полуутвердительно спросила она, протягивая ему инструмент и вздыхая. – Без сердца нет и напитка жизни.

– Молодая кровь самая соленая, – с завистливыми интонациями произнес кто-то неподалеку от Берга.

Один из родичей протянул новорожденному почти полный стакан с водой, Авраам же со словами “Молодым костям мел нужнее всего” всыпал в него двойную дозу белого порошка.

– Я только на прошлой неделе в шахте отработывал, а мел уже кончается, – с некоторой обидой проговорил Майкл. – Новорожденным, кстати, мел не очень-то и нужен. Чего он разбазаривает? – забормотал родич.

Мари с нервной улыбкой смотрела, как Ален, держа в левой руке стакан, тремя пальцами ухватился за темно-красную рукоятку, гладкую и блестящую, и неуверенно приставил острое лезвие к запястью, не очень хорошо представляя себе, как правильно сделать надрез. Видя нерешительность Берга, Мари нежно, но твердо схватила его кулак, сжимавший оружие. Следующим резким движением она легко погрузила сталь в плоть, и через мгновение неглубокая темная полоска появилась в сантиметре от раскрытой ладони Берга. Из нее в подставленный стакан брызнула и тотчас иссякла тонкая струйка ярко-синей, блеснувшей в сиянии свечей крови. Вследствие неловкого движения Берга несколько мелких капель оказалось на рукаве его халата, растекшись по нему неровными пятнышками.

Ошеломленный вздох пролетел по столпившимся вокруг родичам Берга. Он испуганно поднял глаза, опасаясь, что допустил какую-то ошибку, и словно наткнулся на невидимую

стену, с таким странным выражением взирали на него еще минуту назад эти приятные люди. Мари прижала ладонь ко рту и отступила, ее широко раскрытые глаза наполнились болью.

– Неужели еще кто-то отобран? – глухо спросила она.

– Это шпион Свена! – крикнул кто-то из-за спин. От неожиданности Ален выронил наполненную голубым раствором посуду, и она распалась на три острых осколка, запятнав гладкие доски пола. Он робко, носком тряпичного тапка, сдвинул их в одну кучку и медленно поднял голову, страхась зрелища, ожидавшего его.

Берг растерянно огляделся, но увидел лишь ненависть, зримо сочившуюся из его родственников. Некоторые из них стушевались, но вдруг вперед выступил Авраам и встал прямо перед Бергом, властно взмахнул рукой, и живая стена сомкнулась вокруг новорожденного, сжавшегося под суровым взглядом патриарха.

– Что это значит? – пробормотал он.

– Признавайся, зачем ты явился на наш праздник, – мрачно сказал Авраам. – Ты вестник? Мало вам одного сердца, ты еще одно вздумал у нас отнять?

– Постой, дорогой, – внезапно вступила Мари, совершенно оправившаяся от потрясения. – Он совсем не похож ни на вестника, ни на шпиона. И на летуна, у него же нет крыльев.

– А вот мы сейчас проверим. Может, он их в несколько раз свернул, – заявил тот под злобные смешки родичей и подал знак стоявшим за спиной Берга людям. Они схватили того за воротник, и в следующую секунду его халат, лишенный пуговиц, валялся на полу, и все увидели, как из его складок торчит белый наконечник стрелы.

– Убийца! – раздался визгливый вопль пухлой старухи. Поднялся ужасный шум, но никто, тем не менее, не предпринял попытки напасть на Берга, испуганно озиравшегося по сторонам и готового зажать себе уши, только бы не слышать жутких и непонятных выкриков, звучащих со всех сторон. Он не понимал, почему так резко изменилось отношение к нему, и чувствовал потребность прижаться к груди Мари и закричать от боли и отчаяния, поразивших его. Кажется, она поняла, что новичок донельзя растерян и напуган, и властным окриком остановила поток обвинений, обрушившихся на голову новорожденного.

– Необходимо во всем разобраться, – проговорила она, брезгливо поднимая стрелу и вертя ее в руке, будто некую мерзкую тварь, способную укусить ее.

– Я согласен с тем, что этот человек, назвавшийся Аленом Бергом, в действительности шпион, посланный к нам Свеном или его адептами. – Авраам говорил жестко и решительно, сверля Берга неприязненным взглядом. – Во-первых, у него синяя кровь; во-вторых, он пронес сюда свой инструмент для изъятий – стрелу с серебряным наконечником. Пусть он зачем-то сменил свою форменную одежду на халат новорожденного, это лишь говорит о его нечеловеческом коварстве и презрении к традициям. Осталось только выяснить, кого он собирался лишиться сердца, и примерно наказать лазутчика. А также отыскать его арбалет и уничтожить оружие зла.

– Даже несмотря на возможные санкции со стороны Комиссии? – усмехнулась Мари.

– Можно будет закопать его тело на старом кладбище, – высказался Майкл, предлагавший Бергу экскурсию. Похоже, он помешался на любви к могилам, если его мысли постоянно вертелись вокруг них. – Раз уж просто съесть его сердце не получится. Чем синяя кровь хуже красной?

“Что не так с моим сердцем?” – в тревоге подумал Ален.

Толпа одобрительно загудела, смыкаясь вокруг него, и он в отчаянии возопил:

– Я ни в чем не виноват! Я просто шел по улице и увидел, как черные люди с крыльями напали на Януша, и заступился за него. А стрелу я взял на всякий случай, чтобы они не смогли снова ее использовать.

– Кто такой Януш?

– Он родился в той же палате, что и я, только немного позднее, а вышел из родильного дома раньше меня. Черный сказал, что они стреляли в него для тренировки...

Берг хотел еще что-нибудь сказать в свое оправдание, но ничего дельного в голову не приходило, и он умолк, с надеждой всматриваясь в мрачные лица родственников. Наконец Мари задумчиво сказала:

– Это очень странный случай. Честно говоря, я в первый раз вижу человека с синей кровью, который помнит свое имя. Кроме того, у него нет ритуального клинка для вскрытия груди, наконецник действительно испачкан красной кровью и... в конце концов, я почему-то верю ему.

– А я – нет! – заявил Авраам. – И я могу рассказать вам, как все это выглядит на самом деле. Представьте себе, – он обратился к напряженно внимавшим ему родичам, с нажимом произнося свою обвинительную речь, – что где-то в коридорах Комиссии по изъятиям зародилось сомнение в лояльности нашей семьи. Или даже во время молчания, уж и не знаю, как еще у них синклит собирается. Как такое могло случиться и какие для этого были основания – сейчас это неважно. И вот они решают отправить к нам человека, чтобы на месте установить все подробности нашей жизни и выяснить личность главного “смутьяна”, а лучшего способа, чем выдать шпиона за новорожденного, трудно придумать. У него при себе замаскированная под одеждой серебряная стрела, но нет гвоздя, ножа и арбалета, которые в сущности и не нужны – достаточно лишить жертву подвижности, спокойно позаимствовать чье-нибудь оружие и провести изъятие. Наверное, уже этой ночью он так и собирался поступить, то есть поставить на порог смерти, фактически убить кого-нибудь из нас! Того, кто показался бы этому чудовищу в человеческом облике самым опасным или подозрительным! Но ему не повезло! По случайности он пришел в наш дом в момент празднования нами дня рождения Мари, и был вынужден вскрыть себе вену. – Авраам перевел дух и завершил на той же пафосной ноте: – Нам следует избавиться от него, пока он не сбежал и не поставил под угрозу уничтожения всю нашу семью!

Его страстная речь вызвала новый взрыв возмущения по отношению к чужаку, втершемуся в доверие к невинным людям – жертвам бесчеловечной политики Свена и его безжалостной Комиссии. Но голос Мари заглушил крики:

– У нас есть единственное надежное средство проверить, говорит ли человек, назвавшийся Аленом, правду.

– Согласен, – быстро сказал Авраам. – И после того, как все убедятся в том, что так называемый Ален Берг – на самом деле агент Свена, мы вырвем ему сердце и съедим его.

Берг, словно громом пораженный, выслушал полемику собравшихся, и тотчас до его слуха донесся их шепот, поначалу негромкий, затем все более уверенный:

– Зов крови... зов крови...

– Зов крови! – огласил приговор Авраам.

Мари подошла к Бергу и ободряюще потрепала его по плечу, пока остальные, возбужденно переговариваясь, готовили какое-то приспособление, призванное разоблачить или, напротив, оправдать новорожденного.

– Надеюсь, ты сказал правду, – серьезно проговорила она, подводя его к ровному, отполированному множеству ног участку деревянного пола. – Если ты действительно помнишь свое имя и пришел к нам самостоятельно, то кровь не отклонится.

В этот момент сильные руки родичей с двух сторон подхватили его и пригнули вниз, так что он стал напоминать сгорбленного калеку. К шее привязали тонкую веревку, на конце которой болтался привязанный за рукоятку миниатюрный нож Мари, касавшийся кончиком вытертых добела досок. Все столпились вокруг него, внимательно наблюдая за отвесом. Когда он наконец перестал совершать даже малейшие колебания – Бергу не давали пошевелиться – Авраам скомандовал:

– Режь!

Костлявая длинная рука, кажется, принадлежащая нескладному музыканту, протянулась из-за спины Берга и резким взмахом провела чем-то холодным и острым ему по горлу. Боли он не почувствовал, увидел только, скосив глаза, что тонкая струйка крови часто капает вниз; фиолетовые шарики с тихим стуком бьются о пол, быстро сливаясь в густеющую на глазах лужицу, почти идеально круглую. Через минуту поток иссяк, и его отпустили. Ален с трудом выпрямился и встретился взглядом с Мари, удовлетворенно сложившей ладони на груди.

– Он сказал правду! – провозгласила она и со вздохом опустилась на стул.

Толпа пришла в движение, многие подходили к морально выжатому Алену и касались его голого тела, словно хотели убедиться в том, что он на самом деле существует.

– Невероятно! – вскричал Авраам, встал на колени перед засохшей лужицей и провел по ней пальцем, затем лизнул его и поднял к пребывающим в немом изумлении Бергам бледное лицо. – Соленая!

Серж, приветливо улыбаясь, протянул Бергу его халат, и новорожденный поспешил его надеть, поскольку внезапно почувствовал озноб от сквозняка. Стрела оказалась у Авраама, сунувшего ее за пояс своих идеально гладких брюк и в недоумении рассматривавшего Алена.

– Расходитесь, пожалуйста, – сказал он, обращаясь к родственникам, и те, возбужденно обсуждая необыкновенное событие, скрасившее вечеринку, стали разбредаться по комнатам. Примерно половина из них отправилась на первый этаж, и вскоре рядом с Бергом остались только Авраам и Мари, молча, спиной к ним стоявшая перед распахнутым окном. Ален понял, что смертельно устал, и нетвердыми шагами подошел к многострадальному стулу, чудом еще не развалившемуся, и упал на него, тупо глядя перед собой. Но расслабиться и отдохнуть ему не удалось.

– Нам следует уйти отсюда, – проговорила Мари, поворачиваясь. Берг едва слышно застонал и поднялся, и все трое, миновав длинный коридор, свернули в самую дальнюю дверь. Мари чиркнула спичкой и зажгла две свечи возле входа, выхватив из тьмы небольшое уютное помещение, вызвавшее у Берга теплые чувства. Неизвестно, что послужило причиной их появления – неожиданный ворсистый ковер с красно-черным узором, изящные резные завитушки на светло-коричневой мебели или слабый запах самой Мари, но Бергу впервые с момента рождения стало так покойно, что он готов был лечь тут же, где стоял, и замереть. Хозяйка, похоже, уловила его настроение и ласково подвела его к потертому, но мягкому креслу возле правой стены и усадила в него. Сама она легла на высокую кровать, застеленную бордовым пледом, Авраам же занял единственный трехногий табурет, притулившийся рядом с зашторенным окном. Вторая кровать, менее удобная с виду и не такая широкая, небрежно накрытая пестрым одеялом, располагалась рядом со входом, под одной из свечей.

– Я все еще не могу поверить, что его кровь не отклонилась, – пробормотал патриарх. – За все годы я впервые вижу Законнорожденного, не влекомого к своему гнездилищу.

– Даже ты не можешь знать всего, дружок. Может быть, они и раньше появлялись, только Комиссия их перехватывала на выходе. А за этим почему-либо не досмотрели, вот он и пришел по адресу, указанному в справочнике.

– Это меня и смущает, – вздохнул Авраам.

Их неторопливая беседа действовала на Берга усыпляющим образом. С каждым словом ему было все трудней следить за беседой двух старейших членов семьи, но он крепился и держал голову прямо, хотя она норовила упасть ему на грудь.

– Мальчик страшно устал, – издали донесся до него тихий голос Мари. – Неужели ты не видишь, что он вел себя совершенно искренне и нисколько не боялся, когда я помогала ему открыть вену? Настоящий шпион наверняка как-нибудь избежал бы этого...

– Говорю тебе, сестра, всем известно коварство Законнорожденных, их умение притворно жалеть нас, выдумывая оправдание изъятиям...

Он еще долго что-то говорил, но у Берга уже не было сил слушать патриарха, и он отдал свое сознание на волю тихого течения, подхватившего его и закружившего в море непроницаемо-белого, теплого тумана. Ален знал, что он дома, среди своих родных, следовательно, нисколько не сомневался в благополучном для него исходе спора.

Ему показалось, что прошло совсем немного времени, но когда он открыл глаза и осмотрелся, в комнате уже никого не было, а сам он, укрытый пледом Мари, лежал на второй кровати головой к окну. Сквозь плотную штору проникало слишком мало света, а свечи у входа уже не горели. Берг полежал еще несколько минут, заново переживая волнующие события, случившиеся на праздновании дня рождения хозяйки дома, и поднялся. Отодвинув край шторы, он увидел почти такой же дом, крышу которого разнообразили острые кирпичные башенки, а внизу – мощный брусчаткой двор, пустынный и полутемный. Судя по теням, солнце все так же висело где-то возле горизонта, заполняя мир призрачным красновато-желтым сиянием.

На кресле лежала мужская одежда: черные брюки и серая сорочка, все чистое, мягкое и пахнущее чем-то сладковато-приторным. Ален скинул халат и облачился в обнову, повертелся перед зеркалом и счел, что выглядит симпатично. Его замшевые ботинки, видимо, не нуждались в замене, а потому он выдвинул их из-под кровати и надел.

Из коридора до него донеслись слабые звуки пианино, и Берг, замирая, вышел за дверь, надеясь, что прошлые обвинения, чуть не ввергшие его в слезы, сняты и он может жить здесь вместе с родственниками, познавая радость общения с ними. За инструментом сидел тот же самый долговязый пианист, что и на празднике, но на этот раз он сохранял спокойствие и наигрывал что-то менее экспрессивное. Более того, матовая клавиша уже заняла свое законное место, как будто и не выскакивала из паза. На подоконнике сидел и болтал ногами, тупо глядя перед собой, бородатый Майкл. Заметив появление Берга, он широко улыбнулся и спрыгнул со своего насеста, раскинул руки и заключил его в объятия со словами:

– Брат! Ты совсем как новенький.

Долговязый поднялся со стула и присоединился к ним, так что в течение какого-то времени все трое стояли, радостно обнявшись, и Ален, покалываемый пышной бородой, чувствовал умиротворение от того, что признан и не гоним.

– Меня ты знаешь, а этого детину зовут Виктоуар, – сказал Майкл и отстранился, указывая на пианиста, – или он уже говорил тебе? Эй, ты уже назвался?

– Я не помню, – смутился Берг. – Вас было так много, стоял такой громкий шум, что все выскочило у меня из головы.

– Это ничего, – философски заметил Виктоуар и вернулся на свое место за инструментом.

– Редкостный молчун, – указывая на длинного родственника, проговорил Майкл и, подхватив новорожденного под руку, повел его вниз, на первый этаж дома, – и это его главное достоинство. Целыми днями лупит по клавишам, сочиняет новые песни, а заканчивается все тем, что ему приказывают играть старые, всем известные. Тебе повезло, что я сегодня свободен! Потому что иначе тебе пришлось бы заниматься какой-нибудь чепухой с Аделией, или Борисом, или еще с кем-нибудь.

– А где они все? – решился спросить Берг.

– На службе, где же еще? Остальные гуляют или торчат в игральне, с них станется! Я бы, конечно, тоже туда пошел, но меня Мари попросила с тобой позаниматься. Ты не волнуйся, постепенно все узнаешь, поначалу все теряются. Шутка ли, считай, только что родился, а тут на тебя такие неприятности свалились! Кому такой прием понравится? Мне бы точно не понравился. Ты уж не обижайся, но Авраам сказал, что у нас никогда не было родственника с синей кровью, а ведь она еще и не отклоняется! Тут уж кто хочешь забеспокоится. Только ты пока никому не говори, что у тебя кровь синяя, ладно?

– Кому я мог бы об этом сказать? – удивился Берг. – Я же никого, кроме вас, не знаю. И ни с кем не встречался, кроме Бранчика.

– А он знает? – вдруг обеспокоился Майкл. – Да черт с ним, пусть Авраам думает, или Мари, они старшие. А мы с тобой на кладбище ходим, да? Там здорово.

Собеседники не стали никуда сворачивать и вышли непосредственно через главную дверь, и Берг припомнил, как несколько часов назад он стоял перед ней, представляя себе свою семью. Сейчас он чувствовал радость от того, что все его беды благополучно разрешились, оставив по себе только смутное воспоминание где-то в глубине души. Улицы, как и вчера, полнились праздным народом, парами или поодиночке прогуливающимися вплотную к зданиям. Какой-то седой старец толкнул возникшего из дверей Алена и рассыпался извинениями.

– Смотри, куда идешь, debil! Ребенка не видит! – разозлился Майкл и поддержал новорожденного за пояс.

– Я не заметил, – раболепно пробормотал прохожий, – у меня зрение слабоватое.

– Ну и сидел бы дома! – продолжал кипятиться Майкл.

– Уже иду туда, иду!..

Старший родственник, не удаляясь от крыльца, внимательно осмотрел окрестности, обратив особое внимание на чистоту закатного неба. Ни единая тень не бороздила его глубокую синеву.

– Ты опасешься черных летунов? – поинтересовался Берг.

– Всегда посматривай вверх, малыш, – наставительно молвил Майкл. – До изъятия тебе далеко, а вот учебной атаки избежишь. Ну, вроде той, которую ты перед праздником видел.

Он повторно изучил предзакатное небо и удовлетворенно кивнул сам себе.

– Можем идти, – сказал он, и родственники зашагали по улице, удаляясь от родильного центра, но на архитектуре зданий этот факт никак не сказался, и город по-прежнему радовал Берга разнообразием своих форм. Разве что ярких красок на стенах становилось постепенно все меньше – они все чаще сменялись оттенками серого. Вдоль домов все так же прогуливались граждане, группами и поодиночке, как правило, погруженные в молчание. Некоторые передвигались на креслах, снабженных кривыми колесами, многие с костылями, часть женщин катила перед собой потертые, скрипящие коляски, в которых молча лежали синеватые маленькие люди, беспомощно шевелившие пухлыми ручками. Лица прохожих выглядели умиротворенно, и Алел поймал себя на мысли, что и сам имеет точно такой же слащавый вид. Ему было хорошо: теплые лучи солнца грели кожу, остававшуюся тем не менее прохладной, а прятный ветерок раздражал ноздри незнакомыми сладкими запахами.

После очередного поворота перед глазами путников возникла обветшавшая, высотой в человеческий рост кирпичная стена с пробитым в ней узким проходом, поперек которого возвышался тучный гражданин, облаченный в длинные, до колен, красные шорты и плотную черную майку. Его нижняя губа свисала примерно до середины подбородка, обнажая выщербленные, кривые зубы.

– Привет, Вадим! – крикнул Майкл и хлопнул толстяка по животу. Тот нахмурился и схватил его за шиворот.

– Кто таков?

– Это же я, Майкл!

– А, – осклабился Вадим. – Не признал бродягу! Проходи, отвлекись от забот. А кто это с тобой?

– Меня зовут Алел, – осмелился сказать Берг.

– Недавно родился?

– Совсем недавно.

– Завидую молодежи! – патетически воскликнул Вадим, разбрызгивая липкую слюну, часть которой осела на лицах обоих Бергов. – Все у них впервые. Порядки знаешь?

– Я расскажу, – поспешно вставил Майкл, нетерпеливо хватая Алел за руку и вводя под сень огромных растений, беспорядочно произрастающих из бурой земли.

– По головам не ходить! – крикнул вдогонку страж.

– Зачем он тут стоит? – любопытствовал Берг, посматривая назад и пропустив мимо ушей странное высказывание Вадима.

– Нравится, наверное, – пожал плечами Майкл. – А может, ему Законнорожденные приказали. Скорее всего, так и есть – пригрозили сердце сожрать, вот он и стоит как проклятый. Обычное дело.

Забыв о Вадиме, Ален осмотрелся.

– Это деревья? – С задранной ввысь головой он любовался колышущимися ветвями, укрывшими его от пустого синего неба.

– Откуда ты это знаешь? – удивился бородач. – Нет, все-таки ты странный парень. Обычно названия появляются в голове через месяц-другой после рождения. Хм... Ну, если человек с замедленным развитием – то через три месяца.

Ален смущенно промолчал, переключив внимание на постепенно проявившиеся в полумраке теней металлические ограды, зияющие черным прямоугольные ямы, деревянные и каменные домики, и в глубине кладбища – высокий кубический домик, возле которого глухо вскрикивала небольшая, но плотная толпа посетителей. В его стене, на высоте примерно трех метров, зияла узкая дыра, через которую порой с едва слышным пыхтением вылетали облачка полупрозрачного тумана. Они медленно оседали на задранные головы людей.

– О каких порядках говорил Вадим? – любопытствовал Берг. Но родственник не ответил, устремившись по направлению к строению, и Ален поспешил за ним, спотыкаясь на неровной тропинке, из которой повсюду торчали отполированные подошвами корни. Майкл с нервно подрагивавшей бородой ворвался в толпу и, словно угорь, стал проталкиваться сквозь нее, стремясь к подножию стены. Собравшиеся в ней заволновались, послышались резкие, скандальные возгласы, лишённые всякого смысла, но явно преисполненные негодования. Толпа заволновалась, отторгая пришельца, и вскоре потрепанный Майкл вынырнул на ее поверхность, почти не пострадав от соприкосновения с враждебной средой. Его рот искривился еще больше, чем обычно, но все же скорее напоминал улыбку, чем гримасу.

– Теперь можно и подождать, – вздохнул он и пристроился вплотную к широкой спине стоящей с краю дамы. Берг был озадачен увиденным, но решил промолчать, чтобы попытаться самостоятельно постичь смысл сцены. В воздухе витал слабый незнакомый запах, не вызвавший у Алена никаких мыслей относительно его происхождения. Поначалу он только щекотал ему ноздри, но постепенно, по мере привыкания, раздражал почему-то все больше и больше, и уже спустя несколько минут Берг был вынужден отойти от стены подальше. Майкл между тем стоял совершенно неподвижно, весь подавшись вперед, насколько ему позволяло туловище дамы, его глаза были плотно закрыты, черты лица полностью разгладились, и даже губы приобрели правильный изгиб. Ален поднял взгляд повыше: в косых лучах солнца вилась тонкая, почти невесомая пыль.

Вдруг кто-то стал проталкиваться из глубины людского скопления, чем вызвал волну невнятных возгласов, быстро затихавших. Одетый в черное человек, пошатываясь, выбрался наружу и медленно побрел к выходу, глядя прямо перед собой. Но его неудержимо сносило в сторону, и дойти до проема в кирпичной стене ему было не суждено. Судя по всему, он ничего не видел, но тем не менее не предпринимал никаких попыток помочь себе руками, а вместо этого смело ставя ноги куда придется. На такой пересеченной местности уйти далеко было невозможно, и уже через несколько метров он запнулся за корень и покатился под откос, угодив в разверстую могилу.

Пока Берг следил за сомнамбулическим гражданином, из недр толпы возник очередной заторможенный субъект, крайне морщинистый. Он нервно вздрагивал и вилял из стороны в сторону, широко раскрыв невидящие глаза. Этому одурманенному туманом человеку повезло меньше – он напоролся боком на ошестинившийся осколок покореженной могильной ограды.

После этого он еще несколько минут пытался двигаться, сумбурно дергая конечностями и глухо взвизгивая, но тем самым лишь глубже погружал в себя штыри. Наконец гражданин ослабел и затих, его тело обмякло и продолжало висеть на ограде подобно мешку с костями. Ален подскочил к пострадавшему и приподнял тому голову, ухватившись за волосы на затылке.

– Друг, ты в порядке?

Тот открыл один глаз и бешено уставился им на Берга.

– Поди прочь, хам, – хрипло и почти неразборчиво буркнул наколотый на ограду гражданин. Ален от неожиданности выпустил его прическу, и голова морщинистого субъекта повисла на обмякшей шее.

Берг почувствовал себя ненужным и заброшенным – брат Майкл уже успел внедриться в толпу жаждущих прозрачного тумана, и его черная спина слилась с шевелящейся людской массой. От нечего делать он решил прогуляться по дорожкам кладбища, не выпуская из виду стену. Все-таки он немного боялся заблудиться и пропустить момент, когда Майкл вволю наглотается своего вожаемого тумана и выберется из толпы. Между тем новые посетители продолжали время от времени прибывать, сменяя уже умиротворенных сограждан. Последние, как выяснил Ален, крайне редко сразу попадали в ворота, большинство расползлось среди могильных холмиков и оград, лежало в корнях деревьев, под кустами и в прочих малоудобных для отдыха местах. Поэтому Алену постоянно попадались люди с осовелыми глазами, тупо шатающиеся между могил.

– Эй, парень! – услышал Берг и взглянул влево, в направлении слабого женского голоса. – Помоги подняться.

Между двух кустов в довольно разобранной позе возлежала симпатичная девица, почему-то лишенная передних зубов, широко раскрытыми глазами таращась на замершего в смущении младенца.

– Вам дурно? – пролепетал Ален, осторожно склоняясь над гражданкой.

– Мне хорошо! – хрипло каркнула девица, выбрасывая руку вверх и хватая его за сорочку, так что Берг потерял равновесие и плашмя обрушился на холодное, влажное женское тело.

– А! – взвизгнул он, скользя руками по чужим рыхлым бокам в бесплодных попытках приподняться.

– Можно мне к вам присоединиться? – сказал кто-то у него над ухом, несмело трогая за плечо. Берг дернулся и окончательно уткнулся лицом в несущую слабый запах дурмана грудь павшей женщины, не в силах совладать с неожиданно сильными мягкими руками, туго обвившими его торс. Колени его упирались в какой-то острый корень.

– И как ты это сделаешь? – с любопытством спросила девица вновь прибывшего.

– У-а! – еще раз несмело вскрикнул Ален, до крайности напуганный происходящим.

– Или мне подождать? – нетерпеливо спросил голос.

У Берга вдруг зачесалось между лопатками, и он предпринял попытку высвободить хотя бы одну руку, но из этого ничего не вышло. Тогда он, руководствуясь вспышкой интуиции, погрузил обе ладони в подмышечные впадины гражданки и пошевелил там пальцами. Девица взвизгнула и дернулась, Ален возликовал и вырвался из хладных объятий лежащей, сбив спиной склонившегося над ним посетителя. Колени черных штанов безнадежно испачкались в кладбищенском дерне.

– Дурак! – крикнула она, в гневе кривя беззубый рот.

– Это точно, – проговорил сзади некто. Ален в смущении обернулся: из колючего куста, оставляя на шипах клочки ткани и кожи, выбирался облаченный в замызанную майку и дырявые порты старец. Легким мановением рук он освободил из колючек клочковатую бороду и ринулся к лежащей девице, оттолкнув по дороге остолбеневшего Берга.

– Напористый дедок, – уважительно произнес оказавшийся поблизости гражданин, на вид крайне неприятный, однорукий и весь какой-то скособоченный. К его грязной одежде при-

лип целый ворох прелой листвы. По всей видимости, он или уже оправился от действия тумана, или же просто прогуливался между раскопанных могил.

– Извини мое невежество, товарищ, – несмело сказал Берг. – В чем нуждается эта красивая, но малозубая женщина?

– Неодолимая сила влечет ее к лицам нашего пола, – охотно пояснил кладбищенский прохожий. – Неведомый простым гражданам, но необычайно сильный вид удовольствия извлекает она из единения с прочими людьми, и старыми, и молодыми. Лишь черный летун не вызовет ее интереса, один только ужас, заставив укрыться в кустах.

И верно, громкие и хриплые стоны раздавались из-под бороды человека, возлегшего на страждущую.

– У нее нет своего дома? – удивился Берг, сочувственно рассматривая пухлые ноги, судорожно охватившие старца.

– Где-то есть, – пожал плечами собеседник, – но она сама, наверное, его уже и не помнит. Это Вика, я часто ее здесь вижу – то у стены, то на травке. А ты почему такой бодрый? – насторожился скрюченный прохожий. – Ты, случайно, не из Комиссии по контролю?

– Я не из Комиссии! – испугался Ален, вновь переживая отголоски потерянности и обиды, знакомых ему по чудовищной сцене на дне рождения Мари. – Просто мне не понравился белый туман у стены, и я пошел погулять, а мой брат Майкл стоит там... Ну хорошо, а почему тогда этот седобородый гражданин так стремился упасть на гражданку?

Калека недоверчиво хмыкнул, все еще с подозрением глядя на Берга.

– А разве ты этого не хочешь?

Ален задумался, внимательно глядя на девушку, нервно ерзавшую под неподвижным старцем и стискивавшую того крепкими конечностями. Он попытался представить себя на месте пожилого бородача, и внезапно понял, что это вызвало в его теле теплую волну, распространившуюся повсюду, начиная от области паха.

– Он греется! – воскликнул Берг.

– Правильно, – кивнул собеседник. – Меня, кстати, зовут Михась из семьи Козодоевых. А ты кто будешь?

Ален рассеянно представился, словно замороженный закатывая глаза в мысленной фантазии, где он стискивает распластанную на корнях подругу.

– Что, понял, как это здорово? – насмешливо поинтересовался увечный Михась.

Берг со вздохом отвернулся от возбуждающей сцены.

– Вы такой знающий гражданин, – промолвил он уважительно. – Скажите мне, что это за белый туман, который вылетает из дыры? Мой брат Майкл словно сошел с ума, почуяв его.

– Значит, такой уж у него организм. Туман – в нем ведь есть и прах людской, все, что остается после человека, когда он умирает.

– Я тоже умру? – поразился Ален. Это казалось ему невероятным – живой мир вдруг пропадает, словно закрываешь глаза, и больше не улаживают тебя звуки, запахи и краски, и даже мысли в голове совсем не остаются. – Я ведь родился совсем недавно!

Собеседник утешил Берга теплым похлопыванием по плечу:

– Крепись, малыш! Солнце множество раз успеет скрыться за горизонтом и появиться вновь, прежде чем вестник прилетит к тебе. К тому времени жизнь наскучит тебе, уж в этом не сомневайся.

– А ведь я... – начал Берг и осекся, вспомнив о просьбе родичей не разговаривать с чужими о своих похождениях. – Я и подумать не мог, что они вдыхают прах. Почему же мне он так не понравился, что я чуть не умер на месте?

– Вот это уже подозрительно! – Козодоев притормозил и ухватил Алена за рукав. Его глаза хищно сверкнули, он быстро осмотрелся и вновь уткнулся хитровато-хмурым взглядом в лицо новорожденного. – Ты точно не из Комиссии?

– Ну конечно, разве я похож на вестника, друг?

– Там ведь не только вестники работают. Там... у-у-у, кого там только нет... – Кладбищенский гражданин повлек Берга к каким-то загадочным зарослям между двух развороченных могил, сиротливо пустующих по причине удаленности от вожеленного домика. Вокруг никого, кроме них двоих, не было – сомнамбулические посетители кладбища расплзлись по укромным закоулкам и отдыхали.

– Куда мы идем? – полюбопытствовал Берг.

– А вот сюда!

Однорукий вдруг толкнул Алена вперед, и тот, не устояв на ногах, полетел в разверстую могилу, больно стукнувшись головой о какой-то мокрый и прочный корень. Кроны деревьев закружились над ним, превратившись в сплошные зеленые круги и своим неуместным вращением совсем замутив сознание юного Берга. Сверху на него посыпались комки влажной земли, ударяя в разные части тела. Но вдруг оттуда же донеслись сочные звуки гневного сопения, борьбы и короткие устрашающие выкрики, вслед за которыми – затухающий вопль отчаяния и скорби.

С усилием открыв глаза, Алелен увидел склоненное над собой лицо давешней беззубой девушки, заинтересованно разглядывавшей его полуприсяпанное кусочками грунта тело. Берг томно замер, ожидая, что она припадет к нему и согреет своими волнующими чреслами, но вместо этого гражданка протянула ему руку и повлекла за собой, со дна могилы.

– Что же ты такой неловкий, малыш? – мягко спросила она, помогая ему отряхнуться.

Ален пожал плечами и опасливо осмотрелся, всякую минуту ожидая внезапного нападения однорукого.

– Он уже не опасен, – рассмеялась девица. – Меня зовут Вика, а тебя как?

– Алелен, – проговорил Берг и попытался прижаться к ее полной груди, но неожиданно получил ощутимый шлепок по животу и недовольно-насмешливый взгляд крупных круглых глаз. Хищный провал ее беззубого рта сверкнул ему в лицо, обдав запахом прелых листьев и корневищ.

– Нет уж, на сегодня довольно, – сказала она и поманила его за собой, мимо могилы, на дне которой Берг увидел раздосадованного Михаса. Лежа на спине, тот бестолково суеился, безуспешно пытаясь выдернуть из живота длинный металлический прут, некогда бывший частью ограды. Но его ослабевшие пальцы лишь скользили по ржавой поверхности металла. Увидев проходящих над ними Вику и Алелена, он оставил свое занятие и свирепо погрозил им кулаком.

– Я тебя запомнил, целый! И тебя тоже, девка! Попадись ты мне только на глаза!

– И что ты мне сделаешь? – холодно бросила она в могилу тяжкий камень слов, вдобавок звучно плюнув на приколотого гражданина. Ее желтый плевок симпатично расплылся на подбородке беспомощного Козодоева. – Сердце вырвешь?

– Нехорошо толкаться, – невпопад заметил Алелен.

– Эх, не успел я тебя присыпать, парень, – воскликнул Козодоев печально. – Он прислужник Обители! Это шпион Свена! – сообщил Михась вслед удаляющейся Вике, за которой поспешал озадаченный Берг. Он ожидал свежих сведений о местных нравах – окружающие и встречаемые люди отличались странной склонностью к неожиданным и малопонятным поступкам, постоянно повергая Алелена то в недоумение, то на землю.

– Почему он назвал меня целым, Вика? – спросил он, чтобы начать содержательную беседу с новой знакомой. Они направлялись к выходу с кладбища, срезая углы замысловатых дорожек и перепрыгивая через препятствия.

– Не обращай внимания, это местный сумасшедший, – ответила она, внезапно остановившись под самой оградой, рядом с которой росло сучковатое, полусохшее дерево, – он всех новичков считает шпионами. А ты и в самом деле, Алелен, выглядишь каким-то слишком

правильным. Все у тебя на месте – и руки, и ноги, и дыр никаких не видно. Или они под одеждой? Все было бы ничего, если бы ты был морщинистый. Но ведь это не так.

– Я ничего не знаю, – удивился он и принялся себя ощупывать.

– Дай я. – Вика провела у него по животу и спине цепкими ладонями, выискивая лишние впадины и неровности, отчего Берг, закатив глаза, запыхтел и покрылся горячим потом, отвечая на движения ее рук собственными, встречными. Но она вдруг со смешком отступила от него и проговорила:

– Да ты совсем еще мальчишка! Но симпатичный. Нет уж, на сегодня с меня довольно, и так все платье в грязи. Помоги-ка мне перелезть через забор.

Весь пыл как-то разом слетел с Алена, он смущенно оглянулся на слабо видневшийся в просветах домик с толпой посетителей.

– У меня там брат остался, – пробормотал он.

– Тоже малыш?

– Майкл? Н-нет, он уже не первый раз...

– Ну и зачем тогда его ждать? Ты ведь помнишь свой адрес?

Берг кивнул и, напрягая мускулы, помог упитанной девице взобраться на нижнюю ветку, затем стал толкать ее под растекающийся рыхлыми складками зад. Она споро вскарабкалась на самый верх кирпичного забора и опустила за него ноги.

– За мной! – скомандовала Вика и съехала вниз, исчезнув из вида. Алену было скучно оставаться на кладбище, и он последовал за новой знакомой, которая продолжала волновать его удивительным строением своего тела. Вспрыгнув на шершавое дерево, он перебрался на забор. Вика уже удалялась вдоль него, слегка пританцовывая – видимо, радость переполняла ее.

Берг спрыгнул на асфальт и поспешил за ней, догнал и пристроился рядом.

– Где ты зубы потеряла? – спросил он, чтобы возобновить разговор. Девушка вцепилась в его локоть и прижалась к нему бедром, сверкнув ему в глаза черным провалом между губ.

– Такая уж уродилась! Знаешь, как легко языком шевелить. Не нравится?

– Симпатично, когда улыбаешься. А куда мы идем?

– Мы гуляем, – заявила Вика. – Пусть попробуют пристать. – И все же она то и дело поглядывала вверх, порой оглядываясь и вертя головой. – Эх, нет у меня больше моей черной кепки! – Очевидно, все здесь опасались тренирующихся летунов, пусть даже они и не навсегда вытаскивали из прохожих сердца. Сам Ален после инцидента с Бранчиком не слишком боялся их появления. “А если бы меня проткнули серебряной стрелой?” – проскочила в голове пугающая мысль. Ясно, лежал бы беспомощной кучкой плоти, подходи и распиливай ребра. С этой минуты Берг тоже стал активно осматриваться по сторонам, так что даже заныла шея, и ему пришлось уменьшить размах и интенсивность движений.

– Где ты живешь?

– На шестой улице, дом девятнадцать, – ответил он.

– У, почти самый центр! – завистливо крикнула девушка. – До Арены совсем недалеко.

– Какой арены?

– Там черные летуны соревнуются в ловкости.

– Это же опасно! – поразился Ален. – То есть разве не страшно, когда их так много и поблизости от гражданина?

– Глупый, – рассмеялась Вика. – Арена – самое спокойное место во всем городе. Ни один человек из Комиссии не может навредить простому гражданину, пока тот сидит на трибуне. Даже если у летуна на руках предписание на изъятие.

Ален помолчал, усваивая новую порцию данных, затем спросил:

– А про какую такую кепку ты говорила? Я не видел здесь головных уборов!

– Откуда тогда ты про них знаешь? – Вика резко встала и всем туловищем повернулась к молодому спутнику. На ее красивом лице появилось такое же странное выражение, как и у Козодоева, когда тот “разоблачал” Берга. – Ты забавный! – тотчас рассмеялась она и продолжила движение. Видимо, она не любила долгое время находиться в неподвижности, привлекая своей сочной фигурой коварных летунов.

Они повернули на широкую, многолюдную улицу, по которой в обе стороны двигалось множество людей. Почти все группировались в небольшие, видимо семейные компании, громко и экспрессивно обсуждая какие-то неясные Бергу материи. Как ни любопытно было Бергу рассматривать скопление пожилых – а таких вокруг было большинство – сограждан, странная просьба новой подруги не давала ему покоя.

– Расскажи мне еще про свою кепку, – попросил он.

– Братец мой, Игорь, ее у меня отнял, – хмуро, с ненавистью в голосе проговорила Вика. – Это не простая кепка, а специальная, ее выдают лишенному сердца гражданину. А мне ее подарил...

– Кто, бессердечный?

Она засмеялась и на минутку прижала его локоть к своему пышному, прохладному телу.

– Как ты поэтично выражаешься! Это случилось в полдень или немного раньше, а я все никак не могу забыть и страдаю. Я вернулась с кладбища, чтобы немножко поспать, а Игорь увидел на мне черную кепку и стал выпрашивать – дай, мол, прогуляться в ней, чтобы шею не выворачивать. Проклятый старик! Ты что, в первый раз про такое слышишь? Ах, как здорово быть новорожденным!

За домами, повторявшими слабый изгиб улицы, открылась величественная картина явно публичного сооружения, полукругом вгрызавшегося в скопление жилых строений. Возвышаясь над ними на целую половину своей высоты, оно хищно впитывало закатные лучи, одаривая в ответ окрестности мягко-оранжевым сиянием. Над невидимым амфитеатром – его наличие неуловимо угадывалось по гулу голосов и особой, аляповатой, предназначенной именно для таких общественных мест архитектурой – витал дух зрелища. Он неудержимо повлек Берга прямо к самому входу, обильно облепленному людьми. Посетителей, возникающих из высоких, многостворчатых дверей, было существенно меньше, чем исчезающих за ними: похоже, вскоре должно было начаться некое представление.

– Как он тогда об стену! – шамкая и брызгая слюной, завопил прохожий, древний старик с редкой бородой своему приятелю, такому же чахламу гражданину на костылях.

– Точно, – под перестук звонких набалдашников о брусчатку отозвался тот. – Но вираж был крутой. Не всякий из него вывернется.

Берг подергал Вику за локоть. Ему хотелось знать одновременно все, и в гортани крутились сонмы любопытствующих возгласов, но выбрал он тот, что продолжал тему их беседы – о головном уборе.

– Он отнял у тебя кепку? Как он мог обидеть сестру?

Она остановилась и прижала губы прямо к его уху, и жаркие слова полились в него, возбуждая жалость и желание помочь:

– Я покажу тебе его, я знаю, где он обычно с приятелями сидит. Ты уж попробуй отнять у него мою кепочку, а я... ну, потом мы можем пойти к тебе, – заключила она с волнующим смешком. – Если дойдем, конечно. У тебя есть своя постель?

– Не знаю. – Мысли Алена путались от тепла, овладевшего всеми его членами. – Наверное.

Плотность человеческих голосов нарастала, и возле самых дверей, настезь распахнутых в приглашении, она буквально плескалась в воздухе, истекая с высоких, людных трибун. Их изогнутые, почти заполненные ряды стали видны за несколько метров до открытого пространства, пролегающих под высоким покатым сводом. Тут бурлил неиссякаемый поток тел, омывая

пробирающихся вперед Берга и Вику; повсюду стучали протезы, скрипели громоздкие коляски инвалидов, раздавались бессвязные крики и ругательства граждан. Густой запах возбуждения забивал ноздри, заставляя подчиниться коллективному сознанию масс.

Через минуту друзья вынырнули под открытое небо и направились вдоль нижнего ряда, наступая на вытянутые ступни и спотыкаясь о потертые палки.

– Проходи, не мешай! – непрерывно горланили посетители арены. – Ты прозрачный? Давай, двигай дальше, кретин!

Какая-то древняя гражданка больно ткнула Алена в бок длинной и острой клюкой, чуть не пропорвав ему кожу. Кажется, все сидящие на первом ряду, возле самого выхода люди пришли сюда только затем, чтобы препираться с прочими посетителями, настолько они были поглощены руганью с протекающим мимо них узким ручейком сограждан. Их седые брови злобно изгибались над сверкающими в ажитации глазами, а оголтелые вопли страстно рвались из дряблых глоток.

– Здесь все сделано для развлечения людей, – пояснила Вика, отвлекшись от выкрикивания ответных оскорблений в адрес проходимцев, занявших лучшие места. – Здорово, правда?

Тут они неосторожно напоролась на лезвие встречного потока, их раскидало в разные стороны крупной вереницей родственников, которые, держась за руки, гуськом буравили толпу.

– Вика! – в ужасе вскричал Берг. Ее платье замелькало в просветы между телами, оттуда же раздался ее злобный визг и затем – несвязные всхлипывающие вопли. Ален рванулся сквозь строй родичей и пробился к подруге ценой оторванной пуговицы и нескольких увесистых пинков. Подняв подругу за волосы, он подхватил ее вялое туловище левой рукой и повлек дальше: теперь они сдвоенной массой легко буравили чужую шевелящуюся плоть. Заметив неподалеку проход между рядами, Берг протащил Вику туда и выволок на несколько ступеней вверх, усадив с края.

– Здесь сидеть нельзя, – сварливо заявил гражданин, к которому прислонилась девушка. Он заплел свои седые космы в несколько косичек и теперь гордо тряс ими, сметая с мятого пиджака ошметки перхоти.

– Заткнись, урод! – озлился Ален, сам удивившись вскипевшему в нем раздражению. – Не видишь, ей отдавили пятки?! И на руках ссадины, смотри!

Отовсюду раздался недружелюбный смех, кое-кто скрипуче заулюлюкал, но, к счастью, внимание толпы отвлек чей-то зычный возглас:

– Летят!

Вика встрепенулась и вскочила, словно не она только что закатывала глаза.

– Пошли наверх. – Теперь уже она чуть не тащила Берга за собой. Наконец они выбрались на относительно свободное от зрителей пространство и уселись на незанятой скамейке, неподалеку от края амфитеатра. Ален смог отдышаться и рассмотреть, ради чего народ так азартно давился на трибунах и под ними.

Большая часть дальней части амфитеатра напрочь отсутствовала, замененная на высокую серую стену, всю в неопрятных потеках и пятнах. Казалось, неведомый великан давил на ней гигантских клопов, разбрызгавших окрест литры густой крови. В самом низу стены имелся черный провал хода, из которого сейчас выбегали парами крылатые люди, все как один напугившие Алена летунов Витора и Макса. Оказавшись под открытым небом, они расправляли великолепные черные крылья и резко уходили вверх, рея на фоне глубокого синего неба угловатыми быстрыми тенями, подсвеченными солнцем.

Граждане непрерывно верещали, визжали и топали ногами, так что Берг стал опасаться за сохранность сооружения. Гулкая дрожь здания передавалась телу, заставляя криком подхватывать общий экстаз толпы.

– Вот он! – внезапно крикнула ему в ухо Вика. Вцепившись потными пальцами ему в подбородок, она развернула его голову направо и ткнула в произвольном, как показалось Алену, направлении. Во всяком случае, ничего необычного там не наблюдалось – десяток-другой вопящих граждан, и только. – Видишь, черноволосый, в темно-красной рубаше! – Ей приходилось напрягать связки, чтобы молодой друг услышал ее. – Вот что, малыш, – жарко забормотала она, приныкая к Бергову уху, – помоги мне мою кепочку выручить, а уж я тебе отплачу.

Берг присмотрелся, хотя ему отчаянно хотелось полюбоваться летунами. В компании двоих товарищей там сидел и подсказывал от восторга указанный Викой гражданин. Его приятели вели себя не менее экспрессивно. Однако никаких головных уборов ни на ком из них не имелось.

– Где же кепка? – удивился Ален.

– В кармане, где же еще? – негодуяше прошипела Вика. – Ты что, мне не веришь?

– Просто я не понимаю, как можно ее схватить, если она не на голове.

Пока девушка осмысляла проблему, Берг смог переключиться на летунов. Как он догадался уже через минуту, те всего лишь совершенствовались в летном искусстве – выписывали в небе виражи и петли, камнями обрушивались вниз и крутились штопорами. Каждый удачный финт вызывал дополнительный всплеск радости среди граждан, наводнивших амфитеатр. Вскоре какие-то люди в серых халатах выволокли из тоннеля несколько тел – судя по легкости, с какой они перетаскивали и устанавливали их, это были простые муляжи, – и летуны принялись поражать их серебряными стрелами, стараясь проделать это во время сложного пируэта.

– Я придумала, – сказала Вика и вновь погрузила губы в самую ушную раковину Берга, как будто в таком гамахе их кто-нибудь мог подслушать. Ален не стал спорить и корректировать ее план: недавняя стычка с черным Максом придала ему изрядной уверенности в себе.

Но отвлекаться от зрелища не хотелось. Он представлял себе, как сам поднялся бы в небо, подталкиваемый снизу мощным гулом толпы, как лихо промчался бы над простыми согражданами, одаривая их широкой улыбкой. Кожа между лопатками зачесалась, будто под ней завелась колония юрких червей. Но Вика не дала Бергу помечтать и поволокла его вниз, перескакивая через полупустые скамейки. Вслед понеслась брань, самые дерзкие зрители вновь употребили подручные средства, но Вика была непреклонной, приближая цель. Очевидно, пресловутая “кепочка” гвоздем сидела у нее в голове, не давая забыть о себе. Берг подумал было, не возмутиться ли ему тем, что подруга постоянно таскает его за собой, будто он к ней приклеен, но потом вспомнил о ее пышном теле и промолчал.

– Стоп, – выдохнула она. Сев за спиной брата, она дернула спутника за рукав и заставила того упасть рядом. На макушке у Игоря красовалась аккуратная круглая лысина, почему-то обильно запотевшая. Наверное, он перенапрягся, выкрикивая бессвязные слова в адрес великолепных летунов. Те в своей программе уже дошли до того, что со всего разгона направляли тела в стену и за метр-другой от нее сворачивали в сторону – кто вверх, кто вниз, а кто и вбок. Берг пожалел, что не подобрался поближе к центру событий, и недовольно покосился на подругу.

– Зачем тебе это нужно? – хмуро спросил он. Игорь не вызвал у него антипатии: одет тот был вполне гармонично и даже со вкусом, багровые пятна на обнаженных участках его морщинистой кожи симпатично сочетались цветом с его рубашкой. Кричал Игорь тоже довольно мощно, а неудачи летунов переживал искренне, с душевным надрывом.

– Да ты не понимаешь, что ли? – возмутилась Вика и тотчас испуганно зажала ладонью рот – ее реплика попала в яму повального молчания и прозвучала словно набат среди секундной тишины. Игорь вздрогнул и обернулся, все еще по инерции разевая гораздо более беззубый, чем у сестры, рот. Глубокие морщины усеяли его вытянутое и плоское как ладонь лицо. Приятели Игоря, заметив движение товарища, замолкли и тоже посмотрели назад. Кажется,

парочка заговорщиков их нисколько не заинтересовала, разве что Вика на пару секунд задержала их внимание своим волнующе рыхлым телом.

– Сестра! – воскликнул Игорь, как-то натянуто улыбаясь. При этом он наполовину развернул туловище, отдалив от нее левый бок – видимо, он и в самом деле прятал трофей в кармане.

– Брат! – отозвалась Вика и повалилась на него, охватив белыми руками шею Игоря и стискивая ее будто клещами. Похрюкивая и пуская слюни, словно “неожиданная” встреча вызвала у нее горячую радость, она пнула Алена пяткой по голени, понуждая того к активным действиям.

Видимо, такие сцены тут не были редкостью, поскольку почти никто не обращал на страстно слившихся родственников никакого внимания. Ободренный этим наблюдением, а также пинком, Алел наклонился и запустил руку в дальний карман чужих штанов, тотчас наткнувшись пальцами на свернутый в трубку головной убор. Выдернув его, похититель моментально переместил трофей в свой собственный карман, и сразу же Игорь, заметивший утрату, неистово замахал руками и завопил:

– Грабят! Воры! – но голос его почти тонул в мощных телесах сестры.

Сейчас он разительно напоминал потерявшего управление летуна – то же хаотичное трепыхание конечностей.

Какая-то бабка в двух шагах от них свирепо взмахнула клюкой и приложила ее к спине Игорева приятеля, сопроводив свое агрессивное действие словами:

– А вот я вам!

– Ну, держись, карга, – оправившись от удивления, зловеще рыкнул тот и бросился на старуху, подминая ее сморщенное тело и заталкивая его в проход между рядами. Тут Вика выпустила брата и вцепилась в Берга, переползая через скамейку и прячась за него. Слева разгорелась нешуточная потасовка, под которой уже и не видно было зачинщицу с клюкой: только ее корявая, жилистая нога, облаченная в полосатый чулок, торчала из глубин и порой пинала подворачивающихся сограждан.

– Держи вора! – во всю мощь легких завопил Игорь, перекрыв даже обычный уровень шума в амфитеатре. Рука его нацелилась прямо в грудь Бергу. Кажется, часть зрителей все-таки отвлеклась от летунов и маловразумительной свалки со старухой и стала надвигаться на похитителей – со всех сторон обозначилось явное движение, и дружелюбия в нем почти не было.

– Это он! – оглушительно возразила Вика, возвращая брату указующий перст. – Он сам украл! Это шпион Свена! Режь его!

Оба врага – Игорь и его товарищ – с невероятным проворством вскочили на скамью и прыгнули на Алел, так что он не успел защититься или увернуться.

– Я тебе покажу шпиона! – шипел кто-то в ухо упавшему Бергу. – Ты сам шпион!

Кто-то завизжал так громко, что он едва не оглох; свет вокруг резко померк, потому что над ним сгрудилось сразу множество подоспевших граждан. Видимо, часть из них перетекла от старухиной кучи, поскольку, разгоряченные дракой, они тут же принялись отвешивать всем подряд тумачи. Напрягшись, Берг оттолкнул от себя навалившегося противника, и тот пропал в водовороте свалки. Рядом мелькнула знакомая потная нога Вики, и Алел ухватился за нее, одновременно ухитряясь прикрываться от наскоков буйных зрителей, и с треском рвущейся ткани вытащил подругу наружу.

Оставаться в эпицентре сражения было опасно, и он поволок ее по проходу между рядами, в сторону и от сумасшедшей бабки, и от Игоря с его приятелями. Несколько раз ему ударили по голове и бокам чем-то увесистым и даже угловатым, но занятый своим делом Алел не ответил на выпады, и к нему быстро потеряли интерес.

Оттащив Вика на порядочное расстояние, куда долетали лишь отзвуки сражения и где народ азартно смаковал культурное зрелище, Ален прислонил бесчувственную подружку к скамье и встал перед ней на колени. Уже во второй раз за время их знакомства Вика впадала в ступор. Почему-то ему было одиноко и страшно среди гула толпы, будто граждане являлись не живыми, населившими амфитеатр индивидами, а какими-то подвижными элементами архитектуры. Безумно захотелось очутиться дома, в тишине, среди родных Бергов.

Осторожно орудуя обеими руками, он вставил Вике выпавшую челюсть и со щелчком вогнал ее на место. Она вздрогнула и открыла глаза, и вновь Ален поразился, насколько быстро она восстанавливала контроль над своим сознанием.

– Кепка? – Она ухватила товарища за рукав, тревожно заглядывая ему в глаза. Он хлопнул по карману и с обмиранием сердца обнаружил, что тот пуст. – Потерял? – взвизгнула Вика.

– Обронил в давке, наверное, – пробормотал Ален. Он обернулся: на месте побоища уже было все тихо, даже слишком, и несколько особо пострадавших зрителей отлеживались в проходах. Над ними реял летун с длинным бичом, его рука все еще вздрагивала, будто порываясь хлестнуть самого буйного человека. Игорь в клочковато обвисшей одежде стоял, задрал голову, и что-то яростно выкрикивал, указывая в сторону Берга.

– Бежим, – сдавленно выкрикнула Вика. Очевидно, увиденное донельзя испугало ее, и когда Ален повернулся к ней, она уже мчалась куда-то вправо и вниз так резво, будто не ее только что потрепали в жестокой схватке. Ален кинулся вслед за ней, с ужасом слыша за спиной приближающийся шелест крыльев; в следующую секунду лопатки обжег иззубренный кончик хлыста. Рубашка с хрустом порвалась, затрепыхавшись рассеченными краями. Ален споткнулся и покатился по скамье, сбивая невинных сограждан, однако ему удалось подняться и проскочить скопление тянущихся к нему крючковатых рук. Вика уже почти достигла выхода из амфитеатра.

Новый удар настиг его в нескольких метрах от зияющего проема в трибунах: на этот раз конец хлыста обвился вокруг его шеи и опрокинул Берга на доски. В глазах у него завертелось небо, обрамленное краями трибун – вскинутые руки зрителей, их встопорщенные волосы, и все это замешано на живом интересе толпы к избиению зрителя летуном.

...Непонятная, пугающая реальность наложилась на зрение Берга, вытеснив собой все: он вдруг увидел потный, блестящий бок лошади, все еще по инерции бьющей копытами пыльную землю с высохшими кустиками трав и узкую петлю поводьев, тенью стрижа в океане сини порхающую над ним. Резко ныл ушибленный локоть, снизу давили кочки, и громкий испуганный голос приближался к нему – он одновременно и кричал на зверя, сбросившего Алена с себя, и успокаивал мальчика. “Больно?” – проговорили бледные губы в рамке желтоватых волос, жесткая ладонь протиснулась в ложбину между кочками, и небо стало ближе, выдавив за границы своей глубины оскаленную морду животного, но приняв в себя потный рыжий воротник потрескавшейся куртки большого и знакомо пахнущего человека. Мир был огромен и чужд, и Ален знал, что он – лишь мельчайшая, растерянная частица плоти...

Лицо его окатила волна прохладного воздуха, смыв с глаз видение, обзор закрыла черная громадная тень от крыльев. Он схватил пальцами тонкий хлыст, словно удавкой сжавший его шею, но ослабить захват не смог – хрипя, он чувствовал, как сильные руки летуна все туже затягивают петлю.

– Кто мне попался, – услышал Берг протяжные, холодные словно кладбищенская земля слова. Он покосился влево и наткнулся на хищно перекошенное лицо Макса. Тот медленно склонился над Аленом, широко раскрыв рот с длинными рядами потертых, выщербленных зубов серовато-желтого цвета – кажется, он вознамерился отгрызть у врага часть его тела.

– Макс! – резко крикнул кто-то в закрытом крыльями небе, и черный летун нехотя ослабил захват и выпрямился. Его челюсти с треском захлопнулись, сквозь полуоткрытые губы на лицо Берга высыпалось несколько мелких осколков треснувшего зуба. – Минута на сбор!

Злобно скривившись, враг оторвался от земли, до последней возможности следя за распростертым на скамье Аленом. Длинный конец хлыста волочился по телам зрителей, но никто и не подумал шутя подергать за него. Вскоре вереница летунов скрылась за воротами – там же, откуда они и появились полчасом раньше.

Берг перевернулся на живот и вытянул руки, отрывая отяжелевшее тело от заплыванного каменного ложа, где он оказался, сполз со скамьи. Зрители сдержанно гудели, некоторые провожали Алена равнодушными взглядами, пока он пробирался вслед за пропавшей подругой. Перед глазами у него все еще кружился осколок неба между сложенными крыльями Макса, острыми суставами проткнувшими синеву. Вся его удаль и бездумная смелость, родившаяся в нем после уличной драки над Бранчиком, вдруг развеялись в нем почти без следа, оставив лишь ощущение беспомощной слабости перед могучим человеком, покорившим небо.

“Я еще совсем ребенок”, – потрясенно размышлял он, проталкиваясь через отдыхающих в перерыве граждан.

Никакого желания сидеть на трибуне без Вики и ожидать следующей группы летунов у Берга не было; он вошел под своды тоннеля, который должен был вывести его за пределы амфитеатра. Этот проход был несколько уже, чем тот, через который он проник на арену. Позволив толпе нести его наружу, Берг, скорбно понурясь, предавался печали по поводу своей слабости и невозможности взлететь и на равных схватиться с врагом.

– Вот он! – вскричал кто-то поблизости, едва Алена очутился на улице. Он вздрогнул, но знакомый тембр голоса удержал его на месте. В нескольких метрах от зева амфитеатра, продолжавшего всасывать и выплевывать граждан, стояли Мари и Авраам, и последний уже протягивал руку, чтобы выдернуть молодого родича из людского потока. Подмышкой он держал небольшой сверток, прижимая его к себе с такой силой, что прохожие даже не пытались вырвать его.

На Мари была черная кожаная кепочка, изящно развернутая козырьком к затылку. Над ее шейным платком, чуть пониже мочки уха виднелся краешек лилового рубца.

Не сдержавшись, Берг прижался к плечу Авраама и всхлипнул.

– Что случилось, малыш? – спокойно спросила Мари. Он ощутил в своих волосах ее прохладные пальцы.

– Меня чуть не покусал летун, – сказал Алена, отстраняясь от родственника и вытирая рукавом противные ручейки слез, посолившие кончики губ. – Мы с Викой выручали ее черную кепку, но потеряли в драке, а Майкл остался на кладбище, Игорь сказал, что я – шпион Свена, потом прилетел Макс и сбил меня хлыстом, и я видел ужасное животное и какого-то громадного человека, но имени его не вспомнил. Но я знал, что у него есть имя! И что он привел меня в свой мир.

– Все хотят иметь такую кепку, – улыбнулась Мари. Авраам ласково похлопал Алена по плечу сказал, обращаясь к ней:

– Я пойду, сниму Сержа с поста. А то он уже, наверное, истомился у южного входа. Вы в Пепельный парк?

Мари кивнула и повлекла Алена прочь от скопления людей. Они свернули на боковую улочку, где дома жались вплотную друг к другу, закрывая весь светлый край небосклона и накидывая густую тень на камни мостовой. Удивительно, но во тьме и прохладе Бергу стало легче – наверное, он перестал бояться, что будут заметны его слабость и влажные потеки слез на щеках. Они уже, впрочем, подсохли.

В чередѣ домов обнаружился просвет, Мари мягко подтолкнула его к нему и прошла следом. Светлые пятна высоких скульптур, выхваченные из тьмы стелющимися лучами солнца – здесь им дали волю – приковали внимание Берга, поразив его своими пропорциональными формами. Масса прекрасных, гармоничных людей, застывших каждый в своей естественной позе, серыми фигурками окружала островерхий домик без окон. Лишь одна маленькая дверь

виднелась в его покато́м боку, бурым прямоугольным пятном зияя в белой стене. Повинуясь жесту Мари, Берг сел рядом с ней на одну из гладких гранитных скамей, истертых миллионами посетителей – но сейчас в парке было совсем немногочленно, лишь три глубоких старика прохаживались между статуй, подолгу застывая возле каждой и произнося губами неслышимые слова. Четвертый торопливо входил в часовню.

И вдруг Ален заметил, что кроме человеческих, тут имелись и другие скульптуры: совсем рядом с ними стояла на трех ногах, согнув в колене четвертую, такая же точно “лошадь”, с какой он упал в своем видении!

– Ты знала! – восхищенно воскликнул он. – Ты поняла, о чем я сказал.

– Конечно, малыш, – ответила Мари.

Она полуобернулась к своему юному родственнику и положила ладонь ему на бедро, и в глазах ее, оттененных потрепанным краем головного убора, плескалась жалость. Велика была внутренняя сила этой пожилой и прекрасной женщины, но поддерживала она сейчас только ее собственное, лишенное сердца и потому смысла существование. Так что лишь едва заметную толику этой силы, призвав ее по зову родственного долга, дарила она мятущемуся Бергу.

– Что это было? – прошептал он. – Что я видел там, лежа на трибуне с удавкой на шее?

– Свою прежнюю жизнь, – просто ответила она. – Одну из них, если говорить точно. Какую именно, не скажет тебе никто, даже Теофраст, помощник Свена. Может быть, последнюю, а может – отстоящую от нынешней на сотни рождений. Это – проклятие всех Законно-рожденных.

– Но я был совсем маленьким! – ужаснулся Ален.

– Ничего странного, бывают и такие люди. Разве ты не встречал на улицах маленьких людей? Что в этом удивительного?

– Но почему я знаю, как называется этот страшный зверь?

– Оглянись, милый мальчик, и всмотришься в предметы, окружающие тебя. Откуда ты знаешь, как они называются? Дом, дерево, человек – все эти слова пришли сюда вместе с тобой, это твой багаж, наследство, оставленное тебе твоей прежней жизнью. И постепенно, с годами, она будет частями возвращаться к тебе: во сне, на прогулке или при страшных и волнующих событиях, как сегодня, например. А когда придет черед умирать, ты вспомнишь все, но в тот же миг дух твой покинет наш мир, чтобы вернуться в него уже другим.

Ален внимал нежному голосу Мари и следил за едва заметным шевелением листочков на ветвях ближайшего куста. Косая полоса желтого света согревала ему щеку. И еще одно пятно тепла овладевало им – там, где его касалась рука женщины, но тепло это было не физическим, нереальным, будто вместе со словами ее проникала в него сама любовь. Ужасные воспоминания об амфитеатре отступили.

– Ты, наверное, хочешь знать, почему у тебя не такая кровь, как у остальных родичей? – спросила Мари вполголоса, мимолетно осмотревшись. Но все посетители парка находились далеко, и большинство медленно, словно на невидимой цепи, направлялось в часовню. – Обычные граждане помнят свое прежнее имя, и у них красная кровь. Ты принадлежишь клану Свена – клану безымянных людей, носящих крылья. Они правят нашим миром, они решают, кто заслужил право на истинное рождение, они вынимают из достойного гражданина сердце и жалуют ему такую вот кепочку.

Она сняла ее с головы и протянула Бергу. Тот провел пальцем по шершавым складкам, прорезавшим ветхий материал.

– Но почему тогда я тоже помню свое имя?

Она пожала плечами.

– Узнаешь у Теофраста. Пойдем, – сказала Мари. Она взяла Алена за руку и повела к строению в глубине Каменного парка, в котором только что скрылся какой-то хромо́й старец.

Чтобы пройти в дверь, ему пришлось пригнуть голову, и когда он поднял ее, то поразился тому, что несмотря на отсутствие окон, здесь было светло. Оказалось, крыша состояла из помутневших, присыпанных листьями стеклянных пластин, скрепленных узкими, почти незаметными планками. Преломляясь и рассеиваясь, свет пятнами ложился на каменную чашу посреди круглого зала, со всех сторон окруженную чисто выметенными, белыми плитами.

– А где же люди, которые вошли сюда? – воскликнул Берг.

– Смотри, – коротко ответила Мари, отступая в сторону от центрального круга ближе к стене, в блеклую тень. Тотчас на пол лег прямоугольник света, и в часовню вошел скрюченный, с утомленным лицом человек, явно очень старый и мудрый. Хоть Берг стоял прямо на его дороге, шел старик так, будто никого в мире не существовало – только он сам и цель его пути. Он снял с седой головы черную кепку и протолкнул ее в узкую щель черного рундука, стоявшего в шаге от двери, возле стены.

Ален тем временем отошел сторону и, пораженный, наблюдал за тем, как посетитель вскарабкался в чашу, помогая себе всеми четырьмя конечностями – впрочем, это было нетрудно, высота ее позволяла забраться внутрь даже самому маленькому ребенку – и подогнул под себя ноги, устраиваясь в самой середине. Еще несколько секунд он невидяще смотрел перед собой, затем поднял руки к груди и скрестил их.

В то же мгновение невесомое облачко праха осыпалось вниз: человека не стало.

Ален приблизился к чаше и заглянул в нее. В центре ее темнело узкое отверстие, в которое, видимо, и сыпался невесомый прах. На стенках чаши не осталось ни единой его частицы.

– Через пять с половиной месяцев я приду в такую же часовню, – сказала Мари. Берг последовал за ней к выходу, то и дело оглядываясь – ему казалось, что тонкий пепел на дне шевелится, исторгая отзвуки десятков жизней рассеявшихся в воздухе людей. – Возле нашего дома тоже есть Пепельный парк. Сердце без тела хранится совсем недолго. И когда оно погибает, вскоре приходит конец и телу.

Она взяла его под руку и повела по дорожке, прямо по резким линиям света, насытившим парк. Тихая музыка шелеста листьев и праха звучала в ушах Алена, и шаги их были как ритм для нее, а солнце – как ее воплощение в образах мира.

За воротами их ждал Авраам.

– Мари необходимо спасти, – жестко произнес он, пристально всматриваясь в лицо молодого родича. Тяжелое, какое-то иступленное отчаяние просвечивало сквозь его слова.

– Оставь, брат, – глядя в сторону, проговорила она. – Я не хочу остаться незаконнорожденной навсегда.

– Ты поверила в эти сказки! – Авраам был потрясен. Сдержавшись, он остановился и сказал сестре: – Отправляйся домой, я провожу Алена. Простись с малышом.

– Уже?

Когда Берг прикоснулся к ее талии, чувствуя холод ее лишенной сердца груди – три сложенных ребра ее срослись неровно, ощущаясь чужеродным бугорком – у него закружилась голова. Приторный, сладкий запах обреченной плоти дурманными змейками проник в его ноздри. И вновь так же, как на стадионе, он на несколько секунд потерял реальность, утонув щекой в ее колком локоне, откуда вдруг словно фиолетовый бутон распахнулась темнота, проткнутая звездочкой свечи. Тьма! Это понятие вошло в него вместе с внезапным и скоротечным бредом. Это та субстанция, в которой растворяются огненная нежность и буйство ласки, так не похожие на холод тела, окаймленного закатным солнцем.

Берг испуганно отшатнулся от Мари и уперся спиной в ладони Авраама.

– Опять! – вскричал он. – Я был там!

– Твоя истинная жизнь – в прошлом. – Она провела пальцами по его локтю, утешая. – Взамен ты получил крылья и вечную жизнь. Мне же только предстоит родиться.

– Я не знал, что ты поддалась на пропаганду, – зло сказал Авраам.

– Это правда, я чувствую...

– Сердцем? – насмешливо продолжил брат и осекся. – Извини. Мы вернем его тебе, обещаю, и ты станешь прежней.

Мари только покачала головой, будто журуя нерадивого ребенка за непослушание.

Идя за Авраамом, Берг несколько раз оглянулся, видя все более уменьшающуюся фигурку Мари, порой заслоняемую прочими гражданами. Она шла медленно, будто нехотя переставляя ноги. Поворот улицы окончательно скрыл ее от родственников.

Слева вновь возвышалась громада амфитеатра, вновь оттуда неслись мощные, многоголосые выкрики граждан – наверное, свежая партия летунов или просто междоусобная стычка завладели эмоциями зрителей. Ален специально рассматривал прохожих, но черных кепок почти никто не носил. Наверное, приговоренным к смерти было уже все равно и они думали о новой, предстоящей им жизни, а не о тренировках летунов.

– Куда мы идем? – спросил он.

– Ты должен быть со своими, – помолчав, ответил спутник. – Я нарочно не стану тебе ничего рассказывать, чтобы ты не вызвал подозрений своей осведомленностью. Да, по правде говоря, я и не знаю ничего, – смутившись, добавил он. – Помни только о своей миссии, и этого будет довольно. Ты никому не должен рассказывать о нашей семье.

– Я должен спасти Мари?

Они вошли в тень капитального здания без окон, длинным и приземистым коробом тянувшегося вдоль улицы, и встали позади выщербленной колонны, так что Авраам почти закрыл долговым телом своего молодого родственника.

– Переодевайся, – сказал он, разворачивая сверток; это оказался серый халат, выданный Бергу в родильном отделении.

Ален, болея душой, расстался с приличной одеждой и напялил на себя жесткий балахон. Тот все еще пах сырыми гробами.

– Попытайся вернуть ей сердце, – горячо зашептал Авраам. – У тебя примерно пять месяцев, прежде чем по приказу Свена оно будет съедено Законнорожденными. И вот тогда Мари умрет по-настоящему.

– Заговор? – шепеляво каркнул некто в долгополом плаще и надвинутой на брови шляпе, высываясь из-за колонны. Вся его одежда была исполнена в особом коричнево-сером цвете. Свободно прогуливающимся граждан почему-то сразу стало заметно меньше: видимо, этот тип отпугивал их. – Коварство замышляете?

– Мирная беседа двух горожан, – спокойно отозвался Авраам, отодвигая Алена за себя. – Мы просто отдыхаем в тени.

Берг поразился выдержке старшего родича. Тусклые, выпученные глаза незнакомца, его вислогубый рот и струйка стекшей из него слюны, застывшая клейкой каплей на воротнике плаща, заставили Алена вздрогнуть и вжаться спиной в камень стены.

– Смотрите мне, – погрозил пальцем гражданин, вздохнул и устало заковылял прочь, цепко озирая окрестности.

– Кто это был? – тихо промямлил Берг.

– Шпион Свена. Они высматривают неблагонадежных жителей и сдают их в Комиссию. Чаще всего, конечно, хватают первого попавшегося, кто им не понравился. Нас двое, вот он и побоялся связываться.

– Но как он их ловит?

– Под плащом у него серебряный крюк на цепи. Сердца у него нет, оно лежит в специальном хранилище. И как только он откажется от задания, то Законнорожденные уничтожат его. Этот человек слишком боится смерти, вот и пляшет под дудку Свена... – Авраам помолчал. – Слушай и постарайся запомнить, Ален: когда тебя спросят, почему ты так долго не появлялся, скажи, что случайно проткнул наконечником руку и пролежал все это время на обочине, пока

какой-то добрый прохожий не выдернул из тебя стрелу. – Он быстрым движением достал ее из-под полы и сунул родичу под халат. От прикосновения серебра по коже Алена расползлось онемение, мышцы на боку будто окоченели, но он отделился от металла тканью одежды, и все прошло. – Следы крови мы отстирали... Тебе дадут имя, не спорь и не признавайся, что помнишь настоящее. – Авраам мимолетно приобнял его и быстро отступил. – Если не сможешь украсть сердце Мари, не дай им хотя бы съесть его. Все, иди!

– Куда?

– Вдоль этого дома, до ворот. Все новорожденные с синей кровью входят в них.

Ален несмело зашагал прочь. Пару раз он оглянулся, замедляя движение, но если сначала он еще рассмотрел фигуру родственника рядом с колоннами, то потом она пропала среди прочих граждан.

II. Обитель

– А вот и новенький! – насмешливо воскликнула пухлая девица, сидевшая за конторкой в полутемном холле. Волосы у нее были почему-то ярко-желтого цвета, и оттого макушка ее сияла будто маленькое солнце.

– Где я? – наугад ляпнул Берг. Он подумал, что эти слова никак не разойдутся с представлением о новорожденном, приведенном сюда зовом крови. Ему казалось, что палка стрелы просвечивает сквозь ткань, и он едва сдерживался, чтобы не пощупать свой бок. Но регистраторша и не думала присматриваться к одежде посетителя – ее явно влекло его свежее лицо. Сама она была какая-то веснушчатая и большеротая.

– Ну, будем записываться, – проговорила наконец она. – Кстати, меня зовут Рыжик.

Нехотя переключившись на потрепанный гроссбух в синей обложке, девица макнула в чернильницу черное перо и подперла кулачком голову, закатив обильно подведенные глаза к потолку. Капля чернил набухла на кончике пера и шлепнулась на лист, выведя ее из пространства.

– Готово! Будешь Хамадом.

– Почему? – опешил Берг, чуть не заявив, что отлично знает собственное имя.

– Я так хочу, – наставительно молвила она, направив ему в лицо лохматый кончик пера. – Мне нравится.

Она внезапно выскочила из-за стойки и выставила вперед бедро, потерявшись им о ногу Алена. Пишущая принадлежность каким-то образом оказалась зажатой у нее между тонких губ, непривычно смотрящихся на ее круглой физиономии. Она грациозно вывернула шею, подставляя Алену под нос неровную, кровоточащую дырку в своем виске. Клякса синей крови влажно блестела, покрывая рану.

– Ну! – нетерпеливо вскрикнула она, прижимаясь к новорожденному и щекоча пером его ноздри.

Растерянный Берг, судорожно маскируя стрелу складками тела, уже хотел спросить, чего же именно эта импульсивная девица добивается от него, как вдруг кто-то скрипуче рассмеялся всего в нескольких шагах позади.

– Ах, Рыжик, Рыжик, – сказал невидимый человек. Ален обернулся, отодвинувшись от настырной регистраторши.

– Ты как всегда не вовремя, Павлик! – с досадой крякнула девица и в гневе вернулась за конторку, хлопнув калиткой. Возле незамеченной Бергом двери стоял и ухмылялся малорослый гражданин с узким, каким-то угловатым лицом. Подойди он поближе, то прямо перед его носом оказались бы ключицы новорожденного, а так он всего чуть-чуть задирает голову, с прищуром рассматривая его. Почему-то Ален подумал, что этот человек точно обратит внимание на продолговатую выпуклость халата и непременно пощупает ее, а потому поспешил развернуться к стойке и прислониться к ней животом.

– Это моя обязанность, – смиренно проговорил нежданный гость, неслышно приближаясь к Бергу и пристраиваясь сбоку. – Уже назвала малыша, синьорита?

– Хамадом. – Но вписать слово в журнал она не спешила, с замершей рукой переводя взгляд с Павлика на Берга.

– А ведь это имя ему не подходит.

Маленький гражданин, кажется, имел здесь несоразмерное своим габаритам влияние.

– Пусть он сам скажет, как хотел бы называться, – сказал он, скашивая на Берга ласково-ледяные глаза – подбородок его при этом даже не пошевелился.

Сейчас было самое время рассказать о стреле, но делать это Бергу почему-то отчаянно не хотелось. Он был уверен, что после такого признания этот низкорослый, но страшный человек

сотворит с ним что-то ужасное и кровавое. Стрела словно примерзла к телу, почти самостоятельно стремясь намертво вжаться в него.

– Мне все равно, – сказал Берг, – лишь бы unbedingt звучало.

– Хорошо, как тебе Фриц?

– Нормально, сэр, – сдержанно проговорил Ален.

Выждав несколько секунд, Рыжик вписала имя в журнал регистрации и хмуро уткнулась в стол. Крупная капля крови стекла по ее щеке, и она досадливо стерла ее рукавом, оставив широкий синий мазок.

– Идем, малыш, – сказал Павлик. – Я покажу тебе твоё жилище.

Они вышли во двор через широкую двустворчатую дверь. Поперек него, начинаясь от регистратуры, тянулся высокий каменный навес, подпираемый обшарпанными колоннами. На некоторых из них крепились конические палки с комковатыми, какими-то растрепанными утолщениями на концах. Сейчас здесь было ненамного светлее, чем во владениях Рыжик, только самая кромка одного из трехэтажных зданий, видимая отсюда, блестела желтым закатным солнцем. Узкий и длинный двор, мощеный крупным булыжником, простирался далеко влево, заканчиваясь глухой стеной. Из-за нее доносился невнятный гул толпы: похоже, это был внешний край амфитеатра.

Кое-где из окон раздавались негромкие шумы.

– Отсюда ты можешь увидеть почти всю Обитель, – патетично возгласил Павлик, останавливаясь подле одной из колонн. – Слева от нас – собственно жилище Законнорожденных. Там мы отдыхаем от каждодневных трудов, кто в уединении, а кто в компании друзей и соратников.

Берг прислонился плечом к колонне немного позади Павлика; тот вещал, гордо задрав голову и не глядя на него. По колонне сверху донизу тянулась трещина с острыми краями, расширяясь возле основания. Ален слегка отогнул полу халата и пальцами, прямо через ткань медленно выдавил стрелу из петли, которая держала ее.

– Справа здание поменьше, называемое лекториум. Там кадеты обучаются необходимым в работе навыкам...

Делая вид, что поправляет халат, Ален распахнул правую полу и выдернул готовую выпасть стрелу. Направляемый рукой, наконечник скользнул по краю трещины и погрузился в нее, вслед за ним в щели исчезло и древко.

– ...Таким, как хладнокровие. – Павлик вдруг резко обернулся к Бергу и пронзительно взглянул на него. Тот еще раз одернул халат, рассеянно и в то же время почтительно озирая Обитель. Будто невидимая тяжесть упала с тела, и он сам приятно удивился тому, что жесткий вид проводника почти не пугает его. – Оно им особенно необходимо, чтобы не реагировать на жалобные крики жертвы, – сладострастно шипя, пояснил Павлик и двинулся вперед. – За лекториум находится палестра, где кадеты упражняются в выносливости и отрабатывают применение арбалета. А напротив него – резиденция Наместника и Хранилище изъятых сердец.

– А как же дом, в котором я родился? – осмелился спросить Берг. – Разве он не входит в Обитель?

– Посуди сам. Если там рождаемся не только мы, люди с синей кровью, но и простые граждане, стоит ли размещать гробы где-нибудь здесь?

– Не стоит? – неуверенно предположил Ален.

– Вот именно. Разве ты не чувствуешь, что как человек много выше и достойнее, чем незаконнорожденные?

Берг промолчал – потому что не чувствовал ничего такого, но сказать об этом, конечно, не решился, памятуя о наказе Авраама. Ноги его вдруг ослабели, и он вцепился в колонну: похоже, пришла реакция на его смелые действия по маскировке стрелы. К счастью, Павлик в этот момент не смотрел на юного кадета.

Тут со стороны хранилища послышались пронзительные вопли и звуки глухих шлепков. На крыльце этого здания перекатывались два переплетенных тела в фиолетовых паллиях. Хаотически мелькали руки, ноги, головы, и через минуту-другую оба гражданина скатились по ступеням и только тут смогли отдышаться. Посидев немного на брусчатке, они с громкими стонами разошлись в разные стороны – один вернулся в Хранилище, а другой исчез в Резиденции.

– Ну, препозиты, – пробормотал Павлик, пораженно качая головой.

– Почему они сражались? – полюбопытствовал Ален. Но зритель не ответил.

На полпути к жилищу какой-то согбенный старец медленно качал из-под земли воду, всем своим высохшим тельцем наваливаясь на рукоятку насоса. Тот торчал прямо из камней. Ведро у старца, такое же мягкое и кособокое, как и он сам, наполнялось удручающе медленно. Увидев Павлика с Берга, он с трудом распрямился, чтобы тут же вновь сложиться в пояснице; при этом клочковатые седые волосы напозли на его костлявую физиономию.

– Ладно, продолжай работу, – кивнул ему Павлик и пояснил, обращаясь к спутнику: – Это старейший сотрудник Обители, Шамиль. Ему уже больше тысячи лет от роду. Уж он просит, просит освободить его, а братия не соглашается, – рассмеялся Павлик и на ходу потрепал старика за ухом. – Кто тогда будет воду таскать?

– Как освободить? – вежливо полюбопытствовал Ален, поторапливаясь за ускорившимся проводником. Черный плащ того буквально вспучило встречным потоком воздуха, но ощущения, что Павлик торопится или семенит, почему-то не возникало.

– Сжечь ему сердце.

“А я слышал, что его нужно съесть”, – чуть не заявил Берг, но вовремя осекся. Такие настойчивые позывы языка выскочить со своей неуместной репликой стали всерьез волновать Алена. “Как бы не проговориться во сне, – подумалось ему. – Вот, опять! Мне никто не говорил, что люди во сне разговаривают, а я это знаю”.

Они вошли в стоящее слева здание и вновь очутились перед конторкой, но здесь сидела не симпатичная девушка, а зрело выглядящая женщина с массивным, местами каким-то почерневшим телом. Стол вокруг ее локтей был усыпан мелкой черной пылью, видимо золой, которая непрерывно осыпалась с ее крючковатых рук. При виде посетителей она тут же извлекла из ящика кусок ткани и смахнула мусор на пол.

– Знакомься, Наташа, твой новый постоялец. Зовут Фриц.

– Ах, Павлик, вечно ты смешные имена подбираешь, – захихикала женщина, кося на Алена лишённые ресниц глаза. Бровей и вообще нормальных волос на голове у нее не было, торчали только какие-то ломкие, серые пучки. – Фриц-постоялец, ха-ха!

“Почему она еще не изошла на пыль?” – удивился Берг.

– Ничуть не смешные. – Маленький человек погрозил ей пальцем, но улыбнулся. Правда, без всякого веселья. – Вот он золу-то с тебя сдует, фрау!

– Пускай, – легко согласилась Наташа.

В это время со стороны входа донеслись громкие, возбужденные голоса и шаги. Дверь распахнулась, и на пороге, толпясь и тесня друг друга, появились кадеты, все как один в черном и с подвязанными к телу крыльями, чтобы не мешали при ходьбе. Длина их колебалась от совсем коротких до двухметровых, и цвет тоже менялся – чем длиннее, тем ближе к черному.

Алену показалось, что кожа на его спине лопнула и между лопаток проклюнулись ростки молодых крыльев, так ему захотелось присоединиться к компании юных летунов. Наверное, так оно и было, вот только убедить в этом он не успел: один из кадетов внезапно замер, прервав разговор, и остановился прямо напротив Берга, всем телом наклонившись в его сторону.

– Ты! – резко выкрикнул он и метнулся к новому постояльцу, заставив того отпрянуть и прижаться к стойке. В первую секунду, поглощенный собственными переживаниями, Берг даже не сообразил, что происходит – лица кадетов сливались в одно – затем жестокий удар в плечо согнул его.

Локти его с треском стукнулись о конторку. Позади взвизгнула Наташа – он даже успел увидеть ее возбужденно-радостное лицо, когда она вскочила на свой стул. Позвоночник у Берга хрустнул, напряженный до последней степени. “С виду мелкий, а сильный”, – с болью в душе и теле подумал Ален.

– Где стрела, гад?!

Синие всполохи замелькали перед глазами, но он все же сумел вывернуться и подставить напавшему на него кадету спину, безропотно ожидая каскада ударов. Но получить успел он только один, кулаком по затылку. Нос вдавило в деревяшку, из него брызнула темная влага, тут же прилипшая к правой щеке нового постояльца Обители.

– Остановись, Макс! – донесся до него властный окрик Павлика. – Сигурд, оттащи его!

Натиск на спину Алена внезапно ослаб, но выпрямился он не сразу. Переждав минуту и придя в себя, он отер ладонью кровь, сколько сумел, и со страхом повернулся лицом к столпившимся в холле кадетам. Они с молчаливым недоумением смотрели то на него, то на хмурого Макса, все еще дрожащего от клокочущей в нем ненависти. Два самых возрастных летуна держали его за руки – один белобрысый, жилистый парень с широким конопатым лицом, второй высокий, уса́тый и какой-то неумеренно хищный на вид.

– Так-так, – зловеще проговорил Павлик. В руке он сжимал невесть откуда появившийся массивный серебряный крюк на короткой ржавой цепи, притороченной к его запястью. – Полагаю, нам следует во всем разобраться.

– Можете отпустить меня, – сказал Макс, стяхивая с себя захваты старших товарищей. – Я погорячился.

– Вы все свободны, господа, – объявил Павлик. – Идите в свои комнаты, пожалуйста.

Кадеты вяло зашевелились, словно надеясь увидеть продолжение спектакля, но зритель оставался нем и неподвижен в течение нескольких минут, пока все они, переговариваясь, не удалились по коридору в глубь здания. Макс, конечно, и не подумал двинуться с места и стоял с мрачной физиономией, порой сверля Берга бешеными глазами.

Павлик открыл калитку в стойке и прошел сквозь нее. В задней стене имелась дверь, в которую он и провел за собой обоих драчунов, плотно затворив ее за ними. Наташа, которая буквально подпрыгивала от любопытства, проводила их протяжным разочарованным вздохом. Все трое оказались в просторной подсобке, заставленной сломанной пыльной мебелью и просто непонятным хламом вроде рваных штор и тряпок. Комната едва освещалась сквозь пыльное окно, к тому же затянутое мохнатой паутиной.

Подпрыгнув, Павлик сел на край трехногого стола.

– Значит, ты уже встречался с Фрицем? – тихо спросил он, похлопывая тыльной стороной крюка по раскрытой ладони и сохраняя жутковатое спокойствие.

– Да, этот тип уже дважды попадался мне на глаза, в первый раз в городе, во второй – на трибуне, – выдавил Макс.

– В городе – это где?

Летун промолчал, отвернув голову.

– Ты был на учебном вылете, не так ли?

– Да, мсье.

– Где именно ты встретился с Фрицем?

При этом он сделал предостерегающий жест в сторону Алена, словно давая понять, что тому еще рано вступать в беседу. Он и в самом деле уже собирался заявить, что впервые видит этого агрессивного кадета.

– На одиннадцатой, – ответил наконец летун.

“Почему он отвечает так неохотно, будто в чем-то виноват? – недоумевал Берг, наблюдая за страданиями врага. – Он же должен выдать все, что про меня знает! И про стрелу тоже”.

– Возле родильного дома, я полагаю?

– Не совсем...

– Рассказывай по порядку, – приказал Павлик.

– Мы с Витором тренировались в боевых условиях. Я подстрелил... объект и приступил к изъятию, а этот гад напал на меня и отнял стрелу. Жертва, конечно, тут же смылась за домами, и он тоже, вместе со стрелой...

“Про удар в челюсть умалчивает”, – злорадно подумал Берг. Внутри него все будто замерло, лишь мозг продолжал фиксировать слова Макса. Он уже представлял свое поведение, а потому совершенно успокоился и даже слегка улыбался, протирая слюнявым пальцем окровавленное лицо.

– ...Это было вчера. А сегодня на арене я заметил потасовку на западной трибуне и полетел припугнуть толпу. Оказалось, что этот тип успел где-то переодеться и украсть черную кепку у гражданина. Он пытался скрыться, но я поймал его плетью... А сейчас опять в сером халате.

Чем больше Макс говорил, чем неувереннее становилась его речь: кажется, он и сам стал понимать, что его история выглядит слишком невероятно. От этого он разозлился еще больше, сжал кулаки и побледнел, подавшись к Алену, но наткнулся на суровый жест Павлика.

– Что же, – сказал смотритель. – Если все так и было, – напирая на эти слова, проговорил он, – тебе следует сегодня же составить доклад на имя Наместника, и в нем описать и свою охоту на одного новорожденного, – а она запрещена, если ты помнишь, – и поражение от другого новорожденного, и утрату стрелы. Ну и, конечно, сегодняшнее безобразное нападение на молодого кадета. Думаю, что твой доклад заинтересует его своей необычностью и яркими деталями. Не так ли?

Макс молчал, так сильно сжав зубы, что они явственно похрустывали у него во рту.

– Ну? – повторил Павлик.

– Я ошибся, сударь, ничего этого не было, – глухо произнес летун. – Я действительно потерял стрелу, но приложу все силы для ее отыскания. Я примерно знаю, в каком районе ее обронил.

Несколько секунд было так тихо, что Берг слышал только шум своего дыхания сквозь разбитый нос.

– Ну вот и славно, – легко согласился Павлик. – Искать будешь в свободное от занятий время, разумеется. Осталось только спросить нашего нового товарища, что он думает об услышанном. Вдруг все здесь рассказанное – правда. А?

Он тепло взирал на Берга, но тот почему-то знал, что при малейшем колебании или неуверенности в поведении ему придется очень туго. Может быть, его и не запрячут тут же в подвал, чтобы расчленить на части, но под ежеминутный контроль он точно попадет. Какая уж тогда будет речь о сердце Мари? Самому бы выжить! Сейчас ему казалось, что это некий высший разум вел его твердую руку, когда он пропихивал злосчастную стрелу в щель колонны. И зачем только Авраам всучил ему этот проклятый инструмент?

– Я ничего не понял, – “признался” Ален. – Я вышел из приемного покоя, и ноги привели меня к воротам Обители. Никаких летунов я не видел.

– Вот и все, – заключил Павлик, прыгивая со стола и демонстративно похлопывая Алена по запястью; чтобы коснуться его плеча, смотрителю пришлось бы воздевать руку. – Инцидент исчерпан. Стоило ли давать волю языку и рукам, Макс, если ты не был уверен в своих ощущениях?

Летун открыл было рот – слова, очевидно, так и рвались из него – но не решился что-либо сказать. Павлик некоторое время выжидательно и насмешливо смотрел на него, созерцая метаморфозы кадета от озлобленного через растерянное к смиренному состоянию.

– Молодец, – похвалил его маленький смотритель, дождавшись устойчиво-нейтрального выражения Максовой физиономии. – Этот урок пошел тебе на пользу. Можешь идти к себе в комнату.

Он пропустил перед собой обескураженного летуна, и все трое покинули пыльную подсобку, заставив обгорелую Наташу отскочить к своему месту. Она и не скрывала разочарования – очевидно, как следует подслушать разговор ей не удалось.

Макс быстро скрылся в конце коридора. Крылья раздраженно хлопали ему по икрам.

– Выдай новому постояльцу часы, – приказал Павлик.

– Целых-то уже и не осталось, – проворчала Наташа. Открыв верхний ящик, она пошевелила россыпь разномастных хронометров, круглых и квадратных, плоских и выпуклых, со стеклами и без, цветных и черно-белых.

– Поищи-ка получше, сеньора.

Она недовольно пискнула и выгребла из дальних углов ящика остатки: там действительно виднелись относительно приличные экземпляры.

– Ну ладно, – повертев предложенные часы и сравнив их со своими, сказал Павлик. – Идут точно, и довольно.

В нескольких метрах от конторки, за углом, начиналась узкая деревянная лестница, в этом царстве камня смотревшаяся как-то чужеродно. Однако толстые балки лежали монолитно, нимало не прогибаясь под шагами Берга. Павлик же, несмотря на почтенный возраст, почти взлетел на третий этаж, и Алену пришлось попрыгать, нагоняя его.

Его комната располагалась почти посреди многометрового, безумно длинного и мрачно-темного коридора, лишь в самом торце которого далеко сияло низким солнцем окно, на удивление яркое и прозрачное.

Смотритель распахнул дверь, оставшись на пороге.

– Прошу не опаздывать на занятия, Фриц, – проговорил он. Когда Ален проходил мимо него, он внезапно схватил его за руку и остановил, заставив вздрогнуть и напрячься. Тут же Берг почувствовал, как твердые пальцы пробежали по его позвоночнику от середины до шеи, по пути наткнувшись на лопнувший бугорок.

– Ты быстро развиваешься, – улыбнулся Павлик. Но лицо его словно окаменело, замкнувшись, и Бергу стало очень неудобно.

– Чесалось очень, вот и расцарапал, наверное, – виновато сказал он.

– Бывает, – расслабился смотритель. – Что ж, тем быстрее ты сможешь стать полноправным кадетом.

Он отстал от новорожденного и быстро зашагал обратно.

Ален бесшумно прикрыл дверь и осмотрелся. Новое жилище сильно уступало в обстановке комнате Мари – тут было так пусто и голо, что стало понятно, почему в здании так тихо. Заняться здесь было решительно нечем: узкая металлическая кровать не манила, кривой стул внушал сомнения в своей прочности, и даже подоконник, откуда можно было бы наблюдать за жизнью двора, пересекала широкая трещина, отчего сидеть на нем тоже не хотелось.

Ален распахнул дверцу поцарапанного шкафа и увидел кадетскую форму: заляпанные кровью брюки с потертой фибулой на поясе и рубашку черного цвета. Однако на ощупь он определил, что эти тряпки все же вымачивали в воде и сушили, прежде чем положить сюда. Поэтому Берг скинул халат и переоделся, поеживаясь от прохлады. Часы он поместил в единственный целый карман штанов: они показывали пять. Судя по всему, вечера, если считать Законнорожденных нормальными людьми, спящими по ночам.

Только выйдя на середину комнаты, он обратил внимание на скрытую углом шкафа доску в рамке, покрытую пыльным стеклом. Она висела на стене – разумеется, криво, поскольку иначе и быть не могло.

“Памятка кадету. Правила общежития”, – прочитал он коряво выцарапанные буквы. “Я понимаю письменную речь! – хмыкнул Ален. – Удивительное дело. Только родился, а знаний хоть отбавляй. О каких занятиях говорил этот странный Павлик? Узнать бы расписание”. Он нежно сдернул памятку с гвоздя и улегся на кровать головой к окну; та скрипуче зашаталась.

Подушки почему-то не было, как не заметил он и простыней – голый матрас покрывало лишь тонкое, местами просвечивающее одеяльце.

“Кадет обязан:

1. Поддерживать вверенную ему мебель, а также прочее имущество, в целости, а при необходимости чинить его”.

Берг недоверчиво оглядел обстановку, пытаясь отыскать целые предметы мебели, однако потерпел неудачу и вновь обратился к памятке.

“2. Уважать труд обслуживающего персонала: кастеляна, вахтера, водоноса и проч. согласно штатному расписанию Обители.

3. Соблюдать тишину после установленного администрацией срока.

Кадету запрещается:

1. Ломать вверенную ему мебель, а также причинять прочий имущественный ущерб Обители.

2. Препятствовать обслуживающему персоналу: кастеляну, вахтеру, водоносу и проч. отпирать их служебные обязанности.

3. Производить шум после установленного администрацией срока.

Кадет имеет право:

1. Использовать мебель и прочее вверенное имущество по назначению, а также производить его квалифицированный ремонт по мере возникновения необходимости.

2. Обращаться за помощью к обслуживающему персоналу: кастеляну, вахтеру, водоносу и проч., если просьба не выходит за рамки их служебных обязанностей.

3. Производить шум до и соблюдать тишину после установленного администрацией срока”.

Немного ниже жирными буквами было выцарапано: “Примечание. По всем спорным вопросам обращаться к дежурному смотрителю Обители”.

На всякий случай, чтобы уметь пересказать памятку, Ален повторил про себя три ключевых слова, наиболее часто встречающихся в тексте: мебель, персонал и шум. Можно было повесить доску на место, но он зачем-то перевернул ее и был вознагражден. На ее обороте поколениями кадетов были оставлены разнообразные комментарии к правилам общежития и просто мудрые мысли, пришедшие к ним во время раздумий над бытием. Там было накарябано: “Долой повальную инвентаризацию и бездушный учет!”, “Кастелян Прокл – геронтофил”, “Коль живешь среди людей, песни пой и стрелы сей”, “Глядел сегодня на потолок и остался этим доволен”, “Починял сегодня стул и остался им недоволен”, “Феликс + Тутти =?”, “Жизнь хороша!”, “Стрела тебе в зад” и “Кто прочел эти слова – тот пустая голова”.

Раздосадованный последней надписью, Ален вскочил с кровати и повесил доску обратно, лицевой стороной наружу. Инструмента, чтобы оставить память и по себе, у него не было. Кроме того, Берг понимал, что пока не набрался достаточного опыта, чтобы присоединиться к предыдущим жителям комнаты: ничего дельного на ум не приходило.

В коридоре вдруг раздались приближающиеся шаги. Ален замер, боясь пошевелиться, но идущий все же выбрал именно его комнату. В щель проникла узкая волосатая голова, уперлась взглядом в окаменевшего в метре постояльца и от неожиданности ударилась ухом об косяк.

– А! – крикнул гость и в злобе на свою неловкость распахнул дверь. На пол свалился ворох белья, и Ален поспешил прийти посетителю на помощь.

– Спасибо, кадет, – сказал тот сквозь зубы, принимая тряпки.

– Пожалуйста. Ты кастелян?

– А что, не видно? – ворчливо ответил гость. – Проклом меня зовут. А ты, значит, новенький кадет Фриц? – Ален кивнул. – Эх, бывали времена, когда и я летал в небесах с арбалетом подмышкой... Сколько ребер повинынал – страсть!

– Ты ветеран? – вежливо поинтересовался Берг. Упомянуть о том, что предыдущий жилец считал его геронтофилом, он предусмотрительно не стал – вдруг это слово означает что-то не очень хорошее?

– А то, – важно кивнул Прокл. – Почитай, уже лет триста живу. И сам забыл, сколько точно. Ну, получи бельишко. – Он стал скидывать на кровать свою ношу, отделяя от нее детали, все как одна одинакового грязно-серого цвета. – Простыня, пододеяльник, полотенце.

– А это зачем?

– Кровь вытирать, если порежешься. Вот сейчас, например, у тебя вся рожа в синих потехах. Так и будешь ходить, кабальеро?

Берг пожал плечами.

– За лестницей есть умывальня. Метод такой: смачиваешь полотенце в воде и протираешь физиономию. Не вздумай на занятия грязным пойти, враз выгонят. Ясно?

– Расскажи про занятия, – обрадовался новорожденный. – Где можно узнать расписание?

– В лектории, где же еще, – резонно ответил Прокл. Ему явно хотелось поговорить еще, но часы, на которые он взглянул, призывали его к каким-то другим делам – видимо, к исполнению служебных обязанностей.

– Постой! – вскричал Берг, чуть не хватая его за рукав. – Я прочитал памятку кадету, там говорится о вахтере, кастеляне и водносе. И еще слово “проч.” написано. Что это значит?

Лицо Прокла неожиданно посерело, приобретя цвет его простыней. Он вздрогнул всем телом, так что вновь ударился головой, но на этот раз об дверь, покачнулся и буквально вывалился наружу, чуть не упав.

– Что с тобой? – поразился Ален. – Тебе дурно?

– Мне хорошо! – крикнул кастелян, стремительно удаляясь по коридору. – Береги имущество!

– Скажи хотя бы, какой установлен срок!

Но старик, похоже, не услышал последних слов Алена. Несмотря на преклонный возраст, он исчез за углом удивительно быстро. “Какой странный человек”, – подумал Берг, закрываясь в комнате. Изрядно помучившись, он упорядочил выданное ему постельное белье, отодвинулся от кровати и критически осмотрел ее под разными углами зрения. Придаться вроде было не к чему.

Однако и портить красоту не хотелось, поэтому Берг, хмуро покосившись на памятку с обидным высказыванием на обороте, вышел наружу с полотенцем в руке. Там по-прежнему никого не было, и ему стало казаться, что он живет один на целом этаже: видимо, зрелые кадеты предпочитают селиться пониже – все-таки проще добираться домой.

Помахивая дырявой тряпкой, бережно хранившей следы чужой крови, он бодро двинулся на поиски умывальни.

– Фриц! – загнанно, почти испуганно крикнул кто-то снизу, когда он уже почти миновал лестничный пролет. – Постой, Фриц!

К счастью, Берг вовремя вспомнил, что теперь это его имя.

Он посмотрел в щель между перилами и увидел задранное ввысь лицо водноса; оно сморщилось больше обычного и имело самый униженный вид. Ален чуть не рассмеялся, но лишь сдержанно фыркнул.

– Что тебе нужно... Шамиль?

– Помоги, пожалуйста, мне донести ведро до умывальни.

– Я не должен этим заниматься, – подумав, заметил Ален. В памятке не было ни слова о содействии обслуживающему персоналу в отправлении его служебных обязанностей.

– Все так говорят, – горько сказал старик и вздохнул так оглушительно, что по пролету заметалось эхо. С кряхтением он стал взбираться по ступеням, медленно переставляя ноги.

При виде этой картины что-то чужеродное возникло в сознании Берга, какая-то смутная картинка-образ – группа людей, волочащих вверх нечто громоздкое и угловатое. Оно мелодично позвякивает при тряске и норовит выскользнуть из потных ладоней, а люди, подбадривая себя такими же звуками, как Шамиль, мелкими шагами тащат предмет вверх. Ален почти реально почувствовал боль в суставах и страх выпустить свою часть ноши.

Он и сам не понял, в какой момент, перепрыгивая через ступеньку, спустился и перехватил у старика ручку ведра.

– Спасибо, сынок, – с неподдельным удивлением пробормотал Шамиль.

– Все равно мне нужно умыться, – пояснил Ален.

На верхней площадке он постоял, дожидаясь старика, затем пошел вслед за ним. В этой части коридора имелась только одна дверь, а за ней – почти такая же комната, как и отведенная Бергу, только вместо паркета пол составляли каменные плитки. Неопрятные влажные потеки лезли под ноги, принуждая выбирать место, куда поставить подошву.

– Видишь чан? – воодушевленный подмогой, спросил Шамиль.

Держась свободной рукой за ржавый поручень, Ален вскарабкался по узким ступеням, вплавленным в бок огромной бочки. Он не мог представить себе старика, проделывающего этот опасный путь. Поток воды из перевернутого ведра загрохотал где-то в самой глубине чана – тот, похоже, был почти пуст.

– Редко добираешься сюда? – поинтересовался кадет.

– Высоко. Да и живет тут только несколько человек, все молодежь. Полить тебе на полотенце? – Он повернул рычаг и пустил на подставленную Бергом тряпку хилую струйку влаги. – Раньше, бывало, полная Обитель народу была, не то что сейчас. А кадеты, как постарше становятся да осмотрятся, все пониже переезжают, комнат много пустых.

– Что же случилось, мистер?

Ален протер лицо и вопросительно повернулся к старику.

– Сойдет, – сказал тот и вдогонку удалил последнее пятнышко из-под носа новорожденного. – Спасибо, что помог старику. – Шамиль подхватил ведро и засеменил прочь.

– Эй, постой-ка. – Берг догнал его и построился сбоку. – Почему людей в Обители стало меньше?

– Я ошибся, – сухо пробормотал водонос. – Я уже старый, вижу плохо. Вот и мерещатся всякие глупости. Ты лучше сходи в лекторий, расписание узнай.

Он оттолкнул Берга сухим, но неожиданно жилистым и сильным локтем и проскочил мимо него на лестницу, оставив юного кадета в полном недоумении и растерянности. Старик уже успел сбежать на целый пролет, когда Ален очнулся и подал голос:

– Сколько персонала в Обители?

Ведро вдруг выпало из старческой руки и покатилося по ступеням, производя унылый грохот. Не оглядываясь, Шамиль с приглушенными ругательствами побежал вслед за ним, странно пригнув голову и успевая мелко и как-то судорожно оглядываться по сторонам, хотя справа от него была стена, а слева – перила.

“Хороший я придумал вопрос”, – гордо подумал Берг и направился в свою комнату, чтобы забросить в шкаф заметно посиневшее полотенце. Он и в самом собирался посетить лекторий – не торчать же в неизвестности, среди полной тишины Обители. Куда, в самом деле, подевалась целая толпа кадетов, среди которых был и проклятый Макс? Обида и злость вновь овладели Бергом, когда он вспомнил оба случая свирепого натиска со стороны летуна – и на трибуне, и в Обители. Мышцы сами собой напряглись и потеплели, а пальцы рук сжались в кулаки. “Ну, ты у меня припомнишь!” – сумбурно и беспредметно подумал он, заметно утешаясь другим воспоминанием – о закаченных глазах валящегося на мостовую врага и спасении Бранчика.

Второй этаж здания наполнился далекими шумами – вероятно, некоторые кадеты собрались вместе и предавались отдыху. Из умывальни выскочил обнаженный по пояс парень с покрасневшими запястьями, крылья которого влажно волочились по полу, оставляя за собой блестящие полоски.

– Ага! – непонятно вскричал он и пощупал Алена, будто сомневался в его существовании. – Ну, будем знакомы. Я Герман, а ты Фриц, кажется?

– Угу.

– Что же ты не дал ему сдачи? Вон как напал на тебя, а ты и скорчился, будто и не кадет вовсе.

– Он старше, – пробормотал Берг.

– Ну и что? Ты учти, малыш, – покровительственно сказал Герман, – здесь никто скидку на возраст не делает. Ты имел полное право защищаться, тем более что он обознался. Да и вообще этот Макс – психопат, по-моему!

– Да, конечно, синьор, – осторожно проговорил юный кадет. – Я буду знать.

– Ну, присмотришься пока, что да как. – Герман вдруг подмигнул ему и потрепал по плечу, рассеяв с крыльев несколько крупных капель. – А мне на свидание пора. Если будут проблемы, заходи в гости, помогу. – Он кивнул на ближайшую к лестнице дверь. – Ты Макса не бойся, он хоть и наглый, а слабак, только с малышами и дерзкий.

– Хорошо, – улыбнулся Ален. – Здесь есть девушки?

– Эй, а тебе не рано? – рассмеялся Герман. – Не успел родиться, а уже сексом интересуешься.

Берг хотел похвастаться своим первым кладбищенским опытом с Викой, но осекся и вместо этого смущенно улыбнулся.

На первом этаже он опять притормозил, прислушиваясь, однако долго так стоять ему не позволил громкий голос Наташи, которая высунулась из-за своего барьера и жгуче вскричала:

– Как устроился, Фриц? Прокл уже был у тебя?

– Спасибо, хорошо. Он принес мне белье.

Берг ненадолго задержался возле вахтера, чтобы не выглядеть невежей, хоть и опасался расспросов – что, мол, случилось и почему Макс повел себя так агрессивно? Понятно, сидеть так у входа и провожать взглядом спины кадетов – занятие не слишком веселое, вот и приходится приставать ко всем с разговорами, чтобы скрасить дежурство.

– А часы? – не унималась она. – Ходят?

– Конечно, фройлен.

“Спросить ее про персонал или нет?” – Ален заколебался, не желая сразу поссориться с Наташей. Это было бы жестоко, ведь убежать, как кастелян, ей некуда, и увильнуть от ответа ей будет непросто. Поэтому он промолчал и быстро вышел из дома.

Светлая полоска под крышей лектория стала чуть-чуть тоньше: солнце еще ниже опустилось к горизонту, добавив резкости теням и прохлады – воздуху. Сгорбленная фигура Шамиля вдалеке равномерно двигалась, выкачивая из-под камней воду; кроме нее, в поле зрения имелись и другие люди.

Между аккуратным, желто-черным зданием по правую руку – Резиденцией – и приземистой сторожкой, где сидела Рыжик, виднелся проход в парковую зону Обители. Там сгрудилось несколько кадетов, в том числе, кажется, женского пола. Но они быстро пропали за чугунной оградой. Еще двое сотрудников вышли из Хранилища и разделились – один свернул в Резиденцию, другой, сильно хромя, пошел прямо к Бергу. Никаких знаков он не делал, и вообще смотрел под ноги, так что Ален счел за лучшее заняться своими делами, а не пялиться на него.

Еще несколько пар, все однополые, прохаживались по обширному двору между оградой и общежитием кадетов.

Взойдя по протертым ступеням к высокой, массивной двери в лекторий, Берг оттянул ее на себя и проскользнул в гулкую тишину, разбив ее своими осторожными шагами.

Спиной к нему, на расстоянии трех-четырех метров, стоял упитанный человек и рассматривал некий стенд с приколотым к нему листом бумаги, испещренным столбцами символов. Вздвогнув, он обернулся, и тотчас его полная фигура расслабилась, а нижняя челюсть отвалилась, явив Бергу толстый розовый язык и кривые зубы.

– Саям, – проговорил незнакомец, кланаясь и отодвигаясь от стенда. – Ты новенький?

– Как ты догадался, товарищ? – насутился Ален.

– У тебя вид растерянный. Я таким же был пять дней назад, когда пришел в Обитель. – Он с усилием сдвинул челюсти, будто спохватившись, но ненадолго. Очевидно, держать их в таком положении ему было слишком трудно. – Я Данила, а ты кто?

– Э... Фриц. Это расписание занятий? – поинтересовался Ален.

– Да, завтра первый урок.

Текст был разбит на десять параграфов, каждый из которых венчался заголовком: “1-й день”, “2-й день” и так далее.

– Сначала медосмотр, – с гордостью заявил Данила, демонстрируя Бергу внушительный, готовый лопнуть бугор между лопаток. – У меня уже почти прорезались. Тебе-то, конечно, пока нечем похвалиться, ты здесь первый день.

– Я не по дням развитой, – возразил юный кадет. – Мне Павлик сказал.

– Па-авлик? – уважительно протянул толстяк. – Ты где живешь?

– На третьем этаже, примерно посередине.

– Вот задница, а меня в самый конец запихали! – обиделся Данила, бурно взмахивая руками, так что Берг на мгновение вообразил, будто ему собираются залепить по туловищу кулаком.

– Поспешил ты родиться, – сказал он.

– Пожалуй, – с выражением сильного сомнения на круглом лице протянул толстый кадет. – Зато я узнал много интересного.

Берг усмехнулся и задал свой любимый вопрос:

– Хорошо, раз ты такой знающий, назови мне обслуживающий персонал Обители.

– Вахтер, регистратор, водонос...

– Ну-ну.

– ...Кастелян, смотритель, оружейник, садовник, хранитель, фонарщик, комендант лектория... – Данила задумался и неуверенно продолжил: – Не знаю, можно ли препозитов считать персоналом.

Ален был порядком разочарован – не тем, разумеется, что его новый знакомый перечислил так много должностных лиц, а тем, что его простой вопрос, оказывается, совершенно напрасно перепугал несчастного геронтофила Прокла. Да и старик Шамиль повел себя неожиданно, вместо того чтобы ответить как Данила, четко и доходчиво. Ничего особенно впечатляющего Берг пока не услышал, хотя толстяк колебался – может быть, ему и удалось бы выудить из памяти что-нибудь еще, если бы не резкий и визгливый голос, раздавшийся со стороны лестницы.

Из-под ее каменной, ребристой массы торчала всклокоченная голова еще более пышной, чем Данила, женщины с абсолютно черным горлом. Алену даже показалось сначала, что это платок, но когда она со сложенными на монументальной груди руками направилась к юным кадетам, он понял, что ошибся.

– Кто помянул меня все? – скандално вскричала женщина. Создавалось впечатление, что она вот-вот закашляется от собственной натужной пронзительности.

– Я всего лишь отвечал на вопрос несмысленного товарища, фрау Инесса, – залепетал Данила.

– Знаю я ваши вопросы! Сначала спросят, а потом учителя до вечера в библиотеке пыхтят, ответы ищут. Никакого такта нет! Давеча крыловеда Юмки чуть не до слез довели, попросили показать бочку. А то “забыли”, что он теоретик и крылья носит только во время лекции. Попробовали бы, шутники, с Габриелем так поговорить.

– Это не мы, – вежливо произнес Ален.

– Все вы одинаковые, – не согласилась Инесса, гневно колыхнув телом и прижав обоих молодых кадетов к доске с расписанием, так что у Берга стеснило дыхание, а Данила покраснел и принялся пыхтеть будто кожаный мех. Язык почти выпал из его рта, орошая слюной подбородок.

Однако Алену удалось выскользнуть из-под влажно-пряного пресса. Он еще помнил сладкие объятия незаконнорожденной Вики, из которых также – но неосмотрительно – вырвался, и грубые нежности коменданта совсем его не увлекли. Толстяк же жалко расклеился и готов был повалиться на каменный пол от слабости, и лишь снисходительное похлопывание по щеке, учиненное Инессой, привело его в чувство.

– Мне нездоровится, – пробормотал он виновато.

– Нужна срочная медицинская помощь! – воскликнула комендант и словно на буксире уволокла ошалевшего кадета под лестницу, где у нее, видимо, имелась своя рабочая каморка. Берг поморщился и смог наконец внимательно рассмотреть расписание занятий.

В левой колонке значилось:

“1) Медицинский осмотр крыловидных отростков; 2) Основы права Законнорожденных; 3) Физическая подготовка”.

Все это планировалось на первый день занятий с кадетами. Алену программа уроков не показалась слишком сложной, разве что последний пункт смутил его своей расплывчатой формой. Под странные слова можно было всунуть все что угодно – от кулачного боя до лазания по деревьям парка. Ему вспомнилась чудовищная сила и ловкость Макса, изловившего новорожденного за шею, и подумалось: “Вот где воспитываются боевые качества умелого летуна”.

“2-й день. 1) Уход за крыльями и гигиена перьев; 2) Государство; 3) Упражнения на выносливость”.

Похоже, тренировка была тут одним из главных элементов обучения. Ален скользнул взглядом по другим дням, и почти всюду последним значилась именно она. Правда, заключительные три дня, насколько понял Берг, целиком занимали учебные вылеты под руководством наставника из числа опытных летунов.

“3-й день. 1) Теоретическое крыловедение; 2) Материальная часть изъятия...”

4-й день. 1) Строение грудной клетки; 2) Изъятие...

5-й день. 1) Практическое крыловедение; 2) Меры безопасности при полете...

6-й день. 1) Основы применения арбалета и плети; 2) Чистка оружия...

7-й день. 1) Тестирование кадетов; 2) Свечное, чернильное, меловое, серебряное, бумажное, деревянное и прочие ремесла”. Здесь никакой физической подготовки не значилось.

“8-10 дни. Практикум. Показательные выступления на арене”.

В общем, ничего иного Берг увидеть и не ожидал, все пункты программы укладывались в сжатую схему обучения. Смущали его только многочисленные “ремесла”, втиснутые в рамки единственного занятия. Такой любопытной теме могли бы уделить и побольше времени. Может, это будет “практикум”? Однако к чему гадать, если в положенный день Ален и так все узнает?

Едва он успел толком рассмотреть расписание, как со стороны высокой двустворчатой двери, главной в холле лектория, послышались звонкий смех и приближающиеся шаги. Пока они звучали в изрядном отдалении, и все же Берг безошибочно определил, что сюда откуда-то из недр здания идут особи женского пола. Он смущенно дернулся, ноги его сами собой засемили в сторону выхода из лектория, но все же он совладал с собой и принял независимо-ску-

чающий вид. Такой, будто он только от полного безделья зашел в этот дом и стоит здесь не больше минуты, просто так, и вот-вот уйдет прочь, лениво озирая Обитель и ее обитателей. Образ прохладной Вики, лежащей с призывно вскинутыми, влажными конечностями на кладбищенском дерне, помог ему в этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.